

ПЕТЕРБУРГСКАЯ библиотечная школа

Журнал
С.-Петербургского
библиотечного общества

№1

'97

**Редакционная
коллегия**

З.В.Чалова,
С.А.Басов,
В.Ю.Григорьев,
А.С.Зонин,
Н.М.Комиссарчик,
Е.В.Конюхова,
Л.Г.Косачева,
Н.Н.Мазняк,
В.А.Минкина,
Р.А.Михалева,
Т.Ю.Монакова,
Н.Н.Никитина,
Т.И.Новикова,
Т.В.Петрусенко,
З.А.Рудая,
Н.П.Тряпкина,
Е.В.Шеповалова

Редакционный совет

Б.Ф.Володин
(Научный редактор),
М.Ф.Ежова
(Публичные библиотеки),
З.А.Рудая("Уникумы"),
В.Ю.Григорьев
(“Информационные
технологии”),
И.Л.Клим(“Переводы”),
И.С.Мироненко
(Научные библиотеки),
С.С.Серейчик
(“Реклама”)
Корректор
Ж.М.Ракитина

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ
ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47

Регистрационный
№ П1360
от 03 марта 1995 г.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

К читателю 1

БИБЛИОТЕКА В СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ
(МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»)

От редакции 2

Соколов А.В. Философия и библиотековедение: приглашение к размышлению 6

Фирсов В.Р. Библиотека и целеполагание 15

Шилков Ю.М. Библиотека как способ познания 20

Марков Б.В. Библиотека как дисциплинарное пространство культуры 21

Шibaева М.М. Культурное пространство современности и библиотеки 26

Акилина М.И. Философия библиотеки. Аспекты проблемы 29

Стельмах В.Д. Чьи ценности библиотека транслирует? 34

ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Володин Б.Ф. Библиотечный аспект «советизации» науки в Восточной Европе 44

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Григорьев В.Ю. Критерии выбора библиотечной автоматизированной системы 54

Информационное сообщение 68

УНИКУМЫ

Гладштейн С.Г. Mortuos plango. Vivos voco! 70

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Как библиотеки могут быть полезны стране: 12 путей к цели 76

К ЧИТАТЕЛЮ

Новый номер журнала «Петербургская библиотечная школа» — это продолжение диалога Петербургского библиотечного общества, редакционного совета, авторов публикаций и всех, кто готовит журнал к печати, с нашими читателями о традициях и новациях петербургской библиотечной школы сегодня.

В этом номере наши читатели встретятся с уже знакомыми рубриками. Некоторые из них будут продолжены и в последующих номерах. Появятся и новые рубрики, что позволит дать более полное представление о библиотечной школе Петербурга, как об особом явлении, связанным с уникальным духовным миром города.

В этом номере мы начинаем разговор о петербургской библиотечной школе как части петербургской научной школы, имеющей свои традиции, и о преемственности этих традиций. Она сумела сохранить свое особое лицо при всех неизбежных потерях, вопреки тому давлению, которое оказывалось на нее в прошлом и сегодня, когда вновь и вновь возникает вопрос о ее жизнеспособности. Мы считаем, что диалог библиотекарей и библиотековедов с учеными Петербурга, обращение к проблемам науки крайне важно в этих условиях.

Петербургские библиотеки остаются местом работы петербургских ученых как читателей, как пользователей. А мы заинтересованы в том, чтобы воспринимать библиотеки и нашу профессиональную деятельность значительно шире наших профессиональных ориентиров. В последующих номерах этот разговор также будет продолжен.

Впереди разговор и о новых гранях и аспектах петербургской библиотечной школы: об уникальной петербургской библиотечной истории, в том числе о тех людях, которые создали и сохранили петербургскую библиотечную школу; о ее влиянии на работу библиотек регионов страны; об использовании лучших библиотечных традиций Европы и мира.

На страницах журнала зазвучат голоса коллег из регионов России, а также будут представлены наши зарубежные коллеги, в том числе ведущих ученых Европы и других стран мира. Особое место среди них будет отведено нашим соседям в странах Балтийского региона. Этот диалог представляется крайне важным, ибо новое знание, новые петербургские библиотечные идеи рождаются в контакте с окружающим нас миром. Но при этом хотелось бы подчеркнуть: речь идет о диалоге, а не о копировании интересного, но не всегда подходящего для наших условий опыта.

Борис Володин,
научный редактор журнала

БИБЛИОТЕКА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

(материалы «круглого стола»)

От редакции.

В конце XX в. проблема настоящего и будущего библиотек становится особенно актуальной во всех странах мира. Сложившиеся нормы и ценности деятельности библиотек пришли в противоречие с новыми социокультурными тенденциями. Особенно актуальна эта проблема для библиотек России, оказавшихся в условиях реформирования всей системы общественных отношений. В связи с чем созданная система библиотечного обслуживания оказалась неспособной удовлетворить потребности развивающегося общества. Стихийный процесс приспособления к новым условиям ведет к необдуманному, имеющему сиюминутную экономическую выгоду решению, уничтожению традиций, соответствующих современной социокультурной ситуации, но требующих иного концептуального обоснования.

Осмысление сложившихся норм деятельности библиотек и создание новых идеалов и ценностей не может быть осуществлено вне философской деятельности. Долгие годы, вплоть до XX в., библиотечная философия была неотделима от философии образования, идеалов Просвещения. Не так много среди крупных философов было тех, кто пытался осмыслить особую роль библиотеки в обществе.

Выделение библиотечной философии как самостоятельной мыслительной деятельности профессиональных работников началось в 20-30 гг. XX века в США в условиях практической реализации идей демократии. Несмотря на существование столь долгой традиции, в США до сих пор не определена взаимосвязь библиотечной философии с наукой и практикой. Наличие разных концепций во многом определяется тем, как понимается библиотечная наука. Известные американские библиотековеды, такие как Д. Дантон, Д. Шира, Л. Шорес, видят связь философии с определением библиотечной политики, формированием целей библиотечной деятельности и созданием библиотечной науки.

В России после революции 1917 г. библиотечная философия развивалась как особая исследовательская область, цель которой — обоснование предмета, объекта, взаимосвязи с другими науками и т.п. проблем библиотечной науки (библиотековедения). Взаимосвязь библиотечной философии с практикой не рассматривалась, т.к. практика совершенствовалась на основе библиотековедческих теорий, претендующих на истину.

С середины XX в. определяющую позицию в библиотечном деле заняла концепция «библиотека — информационная система», на основе которой стало происходить слияние библиотековедения и информатики. Начиная с 80-х годов под воздействием происходящих в обществе, культуре, науке изменений в мировом библиотечном сообществе переосмысливаются сложившиеся идеалы и представления о библиотеках и библиотечной науке и идет формирование новых.

Необходимость обращения к библиотечной философии осознается отечественными библиотековедами. Эта проблема обсуждается в профессиональной печати. При Московской библиотечной ассоциации с октября 1995 г. действуют философские семинары. С целью обсуждения философских проблем в библиотечном деле **15 — 16 апреля 1996 г. в Российской национальной библиотеке** сотрудниками научно-исследовательского отдела библиотековедения под руководством зам. директора по научной работе В.Р. Фирсова был организован «круглый стол» на тему «Библиотека в социально-философском контексте», в котором приняли участие сотрудники РНБ, РГБ, преподаватели СпбГАК и МГУК и философы Санкт-Петербурга — специалисты в области теории познания.

Следует особо отметить, что «круглый стол» прошел в атмосфере взаимопонимания и уважения к мнению выступающих, какими бы парадоксальными не казались высказываемые ими идеи. Материалы «круглого стола» публикуются, учитывая большой интерес библиотечных специалистов к обсуждаемым проблемам. Они представлены с незначительным сокращением. По техническим причинам отдельные дискуссии не могут быть опубликованы.

Заседание «круглого стола» открыл директор Российской национальной библиотеки, кандидат технических наук, профессор **В.Н.Зайцев**. Выступили: кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки **М.И.Акилина**, кандидат педагогических наук, зав. научно-исследовательским отделом библиотековедения Российской национальной библиотеки **Б.Ф.Володин**, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом ВИНИТИР **С.Гилляревский**, ведущий библиотекарь Российской национальной библиотеки **С.Б. Голубцов**, доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии наук **С.С.Гусев**, научный сотрудник Российской национальной библиотеки **Л.Н.Гусева**, доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения Московского государственного университета культуры **М.Я.Дворкина**, зав. филиалом библиотеки Российского государственного гуманитарного университета в Историко-архивном институте **В.А.Егорова**, зав. отделом психологической поддержки читательской деятельности Российской государственной детской библиотеки **О.Л.Кабачек**, доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения Московского государственного универ-

ситета культуры **А.И.Кантерев**, доктор философских наук, зав. кафедрой Санкт-Петербургского университета **Б.В.Марков**, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки **Д.К.Равинский**, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки **Е.И.Ратникова**, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки **Е.В.Смолина**, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Библиотеки академии наук **А.В.Соколов**, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки **В.Д.Стельмах**, кандидат педагогических наук, зам. директора по научной работе Российской национальной библиотеки **В.Р.Фирсов**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры музееведения Московского государственного университета культуры **М.М.Шибалева**, доктор философских наук, зав. кафедрой философии Санкт-Петербургской академии гражданской авиации **Ю.М.Шилков**, зав. сектором Российской национальной библиотеки **В.В.Широв**.

В данном номере публикуется основная часть докладов, прочитанных в первый день заседания «круглого стола».

Первый день заседания «круглого стола»

*Ведущие: **Б.Ф.Володин** и **Б.В.Марков***

В.Н.Зайцев.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я рад, что вы откликнулись на призыв собраться и обсудить социально-философские проблемы библиотечного дела. Сейчас библиотеки стоят на пороге принятия решения: быть библиотекам или не быть, какие библиотеки будут в будущем, будут ли стены у библиотек? В частности, вскоре состоится саммит директоров крупнейших библиотек мира в Нью-Йорке, и там тоже, судя по программе, будут обсуждаться вопросы философского плана.

Будущее библиотек — так стоит вопрос. Исполнительный директор Британской библиотеки Брайан Лэнг, скажем, представил такой доклад «Нужны ли стены библиотекам?» Это при том, что Британская библиотека строит одно из крупнейших зданий в мире, новое здание для своих фондов. Я думаю, что эти вопросы возникнут на «круглом столе», будет возможность обменяться мнениями на эту тему: есть ли будущее у библиотек? Я просто напомню, что в 60-годы, когда широко распространилась идея передачи информации на нетрадиционных носителях в виде микрофиз, микрофильмов, также ставился вопрос: будут ли существовать печатные книги в будущем? Предсказывали им скорый конец, но тем не менее, 40 лет прошло, как

мы видим, а книги продолжают жить, продолжает развиваться библиотечное дело. Я бы сказал, хотя есть другое предсказание, что многие поколения библиотекарей будут развивать и совершенствовать свое дело.

Я ещё раз приветствую всех участников, желаю успешной работы, и чтобы в результате вы, наконец, нашли истину: что такое библиотеки и как они будут дальше развиваться. Спасибо за внимание.

В.В.Фирсов.

Я несколько слов скажу о порядке ведения «круглого стола». Всегда по ходу работы возникает необходимость, желание или возможность осмыслить, что же ты делаешь. И обычно вопрос, который нам предстоит разбирать чаще, на который нам приходится отвечать чаще, — это вопрос о том, как мы что-то в сфере своей профессиональной деятельности делаем. Но существует какая-то определенная логическая закономерность, в том числе и исторически обусловленная. Время от времени этот вопрос отодвигается, и на первое место выходят другие вопросы: собственно говоря — зачем — или еще более принципиального характера — что? И когда мы задаем эти вопросы, мы встаем на путь такой внутринаучной рефлексии, осмысления фундаментальных основ своей науки, сферы своей социальной практики.

В библиотечном деле всегда складывалось так, что эти вопросы мы задавали с определенной периодичностью. Не так давно, вы помните, они были в центре оживленных дискуссий, я имею в виду начало 80-х гг., когда они стали появляться в печати, мы постоянно собирались и обсуждали вопросы о социальных функциях и социальной роли библиотеки, объекте и предмете библиотековедения, о принципе ограничения и прочее, прочее. Это было не только в 80-е, но и в 60-е, 20-е годы. И вот когда мы задаем подобные вопросы, являющиеся фундаментальными для библиотековедения, для осознания библиотековедения как такового, мне кажется, мы как раз и выходим на пограничную область, где, собственно, фундаментальные принципы библиотечной науки пересекаются, накладываются друг на друга, возникает поле пересечений, т.е. возникает тот особый интересный срез знаний, который можно выделять, как социальную философию библиотечного дела или просто философские аспекты библиотечного дела. Когда эти вопросы возникают (я помню 80-е годы, когда они были в центре обсуждения), то обычно вызывают у части профессионалов негативное отношение к себе как абстрактное теоретизирование. Порой это сравнивается с нашей российской чертой, и реально мы знаем что это так, потому что, если мы возьмем какую-нибудь солидную работу по библиотечному делу русскоязычного библиотековедения, то мы увидим обязательно, что треть или четверть работы посвящена собственно социально-философским аспектам библиотечного дела. Актуальны они и для нас. Я вижу пользу этого семинара, прежде всего, в том, что, с одной стороны, мы еще раз посмотрим, определим свои понятия, пересмотрим инструментарий, которым владеем, и, конечно, большая польза будет от

того, что подобное осмысление, постановка подобных проблем всегда способствует трансляции, междисциплинарной передаче научных знаний, не только собственно из философии библиотековедения, но и, выходя на такой высокий уровень обобщений, мы обуславливаем тем самым дальнейшую трансляцию знаний. По-моему, это всегда полезно.

Ну и последнее, что я хочу сказать, хочу призвать к неформальной обстановке обсуждения проблем. Когда мы мыслили это наше мероприятие, мы ни в коей мере не планировали его ни как конференцию, ни как семинар, а именно как «круглый стол», поэтому, предлагая те или иные темы для выступления, приглашая докладчиков, мы не мыслили это как обязательно законченный постановочный доклад. Это могут быть сообщения, постановка вопроса, выдвижение каких-то тезисов, с тем, чтобы сама проблема как-то фигурировала, поэтому, если в программе написано 20 минут, то это верхний предел, если удастся за 5 минут заинтересовать аудиторию и остальные 15 минут посвятить обсуждению, то, мне кажется, это будет более интересно.

Б.Ф. Володин.

Согласно программе, которая, конечно, носит характер достаточно условный, мне хотелось бы больше времени, чем 20 минут, предоставить первому основному сообщению для того, чтобы у нас были не только доклады, но и дискуссии. Я, с большим удовольствием, предоставляю слово первому выступающему, профессору А.В. Соколову.

А.В. Соколов.

Философия и библиотековедение: ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Уважаемые коллеги, когда мне стало известно об этой замечательной задумке, которая возникла в недрах нашей Национальной библиотеки, я, надо сказать, серьезно к ней отнесся, долгое время размышлял. На окончательный ответ на вопрос о соотношении философии и библиотековедения, а тем более на разработку библиотечной философии я не претендую, потому что до этого не додумался. У меня получилось приглашение к размышлению, то есть я обозначил те вопросы, которые, мне кажется, надо иметь в виду, те трудности, которые возникают. Мы с ними неизбежно столкнемся, и некоторые направления, т.е. некоторые методологии, в моем выступлении заложены. Я думаю, что все докладчики будут с этого начинать, и я тоже должен начать со своего понимания актуальности, важности в нынешней ситуации проблемы «философия и библиотековедение».

Социалистическое библиотековедение, в лоне которого все пребывали и воспитывались, сошло со сцены, не оставив себе преемников, поэтому в профессиональном библиотечном сознании образовался вакуум. Этот

вакуум надо чем-то заполнить. И отсюда актуальность философии библиотековедения. Для того, чтобы решить, в каком же направлении будет протекать это наполнение, мне думается, надо дать себе отчет, почему социалистическое библиотековедение выполняло функцию философии социалистической библиотеки.

По идеологической ангажированности содержание библиотековедения можно поделить, на мой взгляд, на три части. Я говорю сейчас о социалистическом библиотековедении. Первая часть — это идеология, это та часть, в которой речь шла о функциях, о ролях, о месте, о взаимодействии с обществом — обо всем том, о чем упомянул Владимир Руфинович. Эти вопросы наводят на понимание сущности библиотеки, а сущностями, как известно, занимается философия, и отсюда вывод, что у нас в социалистическом библиотековедении функцию философии выполняла идеология. Это часть, я назову ее А, активно, воинствующе, можно сказать, воздействовала на две другие части, которые тоже входят в библиотечную науку. В библиотечной науке есть часть Б — неидеологизированная, при всем желании нельзя ее идеологически окрасить: проблемы хранения фондов, реставрации, гигиены, механизации, автоматизации, алфавитные каталоги, формальные расстановки — все это не поддается идеологическому воздействию.

Часть В — это идеологизированная часть, и она является основой библиотековедения. Идеологизируются проблемы: комплектования, справочно-библиографические, библиотечной классификации, работы с читателями, методического руководства. Это главное, можно сказать, интеллектуальное, ядро в библиотечной науке, и его можно идеологически окрасить. И это было сделано. Сегодня, когда часть А — идеология — самоустранилась (мы, может быть, публично проводили идеологию из библиотечных храмов), то можно заметить, что волей-неволей создан вакуум. Мы идеологию с центрального входа проводили, а она с черного входа все равно присутствует в библиотеках, и в этом нетрудно убедиться, если обратиться к нашим библиотекам и столкнуться там с небезызвестной ББК. И замены ББК ведь нет. И в библиотечном образовании тоже замены тех основ, которые были заложены 10-20-30 лет назад, у нас тоже нет. Можно сказать, что современное библиотековедение оказалось заложником идеологии, да не только оно одно, но мы сейчас говорим о библиотековедении. Освобождение возможно только в том случае, если вакуум, который образовался после того, как идеологические концепции нас покинули, будет заполнен чем-то другим.

Чем же он все-таки заполняется? *Philosophy of Librarianship*. Есть такое направление, много лет существует. Почему бы нам его не взять на вооружение, перенести на нашу почву? Обратился я к работам зарубежных наших коллег и выяснил, что зарубежная философия библиотековедения не представляет собой чего-то цельного. Она включает в себя несколько направлений. Я их перечислю:

— формально-дедуктивное направление, основоположником которого является Ш.Р. Ранганатан со знаменитыми

библиотечными законами. Из постулатов выводится библиотечная наука. Тоже логико-философский подход;

— **культурно-просветительское направление.**

Оно озабочено утверждением идеалов либерализма и прогресса, привлечением в библиотеку массового читателя, противопоставлением напору низкопробной массовой культуры, облагораживанием вкусов молодежи. Все это нам очень близко. За рубежом это направление тоже входит в философию библиотековедения;

— **либерально-демократическое направление,**

ведущее непримиримую борьбу с любыми попытками ограничения духовной и интеллектуальной свободы, цензурой, идеологической тиранией со стороны политической власти и религиозных фанатиков;

— **этическое направление.**

Оно рассматривает коллизии, возникающие при столкновении читателя, реализующего свое право на неограниченную свободу информации, и библиотекаря, во имя гуманистических побуждений не допускающего использование информации «во зло» самому читателю или другим лицам. Здесь позиции разделяются: есть библиотекари-философы, которые считают, что «кредо библиотекарей — никакой политики, никакой религии, никакой морали» и, стало быть, никаких ограничений, и есть другие философы, которые полагают, что отсутствие всяких ограничений, гуманистической направленности превращает библиотекарей в машину, в механизм для выдачи книг, и это недопустимо;

— **коммуникационное направление,**

которое исходит из рассмотрения библиотеки как социально-коммуникационного центра;

— **эпистемологическое направление,**

интересующееся эпистемологическими проблемами, т.е. сущностью знания, познания и библиотеки как посредника в этом деле, как элемента социальной памяти.

Шесть направлений, и это уже немало.

В политике мы подражаем западной цивилизации, в экономике тоже подражаем Западу. Надо сказать, что эти попытки перенести политические и экономические находки, да и образ жизни, который там существует, на нашу почву фактически неудачны. Наша почва своеобразна. В области культуры нам нельзя не учитывать наши историко-культурные традиции, национальный характер, этническую основу. Этот момент и вызывает настоятельность к попыткам перенести сюда целиком идеологии, которые есть за рубежом. Все-таки в России различают правду и справедливость. На Западе истина одна на всех. В России — традиция соборности. На Западе — традиция либерализма. Тут можно продолжить дальше это противопостав-

ление, их целый ряд, и этим занимаются философы. Я думаю, что новое на Западе можно и нужно заимствовать, соблюдая осторожность при этом, и границы перенесения должны быть определены с философской позиции.

В нашем отечественном библиотековедении нет традиции философии, а в книжном деле, в книговедении есть. Я напомним, что М.Н. Куфаев в 20-е гг. попробовал развить философию книги. Он пришел в своей философии к тому, что сущность книги видел в духовном содержании. А раз сущность книги духовная, то она нарушает материалистический монизм, и стало быть неприемлема для материалистической философии. Его обвинили в идеализме со всеми вытекающими отсюда последствиями, и библиотекари, конечно, дистанцировались от этой философии. Но, если подумать, то философия библиотечного дела обязана быть идеалистической, потому что сущность библиотеки духовная, а не материальная. Материальные проблемы книги, материалистические проблемы библиотеки ограничиваются только формой, но не содержанием, значит поиски библиотечной философии, на мой взгляд, должны вестись в контексте идеалистических разработок. На Западе есть чем поживиться, и наша дореволюционная традиция позволяет это сделать. Тогда я обратился к книговедению (А.М. Ловягину, М.Н. Куфаеву). Ловягин рассматривал библиологию как раздел культурологии, как раздел учения о культуре. У меня возникла мысль, что нам в качестве партнера неплохо было бы иметь учение о культуре.

Социалистическое библиотековедение, надо ему отдать должное, всегда искало связи с марксистско-ленинским учением о культуре. В этих стенах я позволю себе процитировать высказывание Гольдберга Александра Львовича, интересного, знающего, талантливого человека, помощника И.К. Кирпичевой. Он писал в книге «Библиотековедческие исследования» следующее: «Такие общественные науки, как философия, научный коммунизм, теория культуры имеют для библиотековедения большое методологическое значение. Разработка проблем библиотечного дела на базе этих наук и с учетом их достижений повышает общетеоретический уровень библиотековедения, укрепляет его позиции как общественной науки, вооружает научными методами анализа и оценки широкого круга явлений библиотечной практики, позволяет рассматривать развитие библиотечного дела в общем русле культурного строительства и научно-технического прогресса» (*Библиотековедческие исследования: Методология и методика*. — М.: Книга, 1978.— С.18.)

Если слово «научный коммунизм» заменить на слово «социальная философия», так все правильно, и можно сегодня подписаться под этим.

Однако как же все-таки понималось межнаучное взаимодействие марксистско-ленинской культурологии, теории культуры и социалистического библиотековедения. А понималось это взаимодействие как обмен фактами, которые касались духовных потребностей: факты чтения, обращения к книге. Не идеи, а факты, не философия, а факты. Понятно, почему это происходило. Философия была общей и делалась в отделе пропаганды ЦК, поэтому для

отечественной культурологии и библиотековедения, оставалось лишь пространство для взаимодействия, которое касалось фактов, полученных той и другой стороной. Сейчас наша культурология совершенно иначе выглядит, и ничего общего с марксистско-ленинской теорией не имеет. Это цельное социально-философское учение, которое базируется на западных традициях. А если на западных традициях, то какое же содержание вкладывается в культурологию и чему учат в вузах? Для ориентировки я перечислю 10 основных направлений, которые представлены в учебных пособиях, программах, монографиях:

1. *Историософия цивилизаций — О.Шпенглер, А. Тойнби;*
 2. *Историческая культурология — М. Блок, Л.Февр;*
 3. *Социокультурные теории — М.Вебер, П.Сорокин, Т.Парсонс;*
 4. *Этно-антропологическая культурология — Б.Малиновский, Б.Радк-лифф-Браун;*
 5. *Неокантианская философия культуры — Г.Риккерт;*
 6. *Экзистенциалистский подход — Ж.-П.Сартр, А.Камю;*
 7. *Психоаналитические и социопсихологические направления — З.Фрейд, К.Юнг;*
 8. *Неомарксистская культурология — Т.Адорно. М.Хоркхаймер;*
 9. *Религиозно-этическая культурология — П.Тейяр де Шарден, А.Швейцер;*
 10. *Постструктурализм и постмодернизм — М.Фуко.*
- Кроме того, есть еще оригинальные отдельные разработки М.Хайдеггера, К.Ясперса и др.

Наша отечественная традиция тоже взята на вооружение современными культурологами. Это П.Я. Чаадаев, К.Н. Леонтьев, евразийцы и религиозные философы, начиная с Владимира Соловьева. В советское время тоже были культурологические разработки, которые представляют интерес и для библиотековедения: культурно-историческая психология (Л.С. Выготский), мифология древней культуры как феномен культуры, а семиотика просто имеет прямое отношение к философии библиотечного дела (В.В. Иванов, Б.А. Успенский), их труды могут быть нами использованы.

Много есть работ культурологов, независимых и интересных для нас, но на фоне их работ невольно обращаешь внимание на то, что в этих работах слово «библиотека» не употребляется, нет интереса к библиотеке как социально-культурному институту, не говорится о функциях библиотеки, о роли и месте культуры, о значимости для общества. Наши высоколобые культурологи не задумываются, не считают нужным это делать. А о коммуникации они говорят. Несколько лет назад никто, кроме библионигилиста М. Маклюэна, библиотеку не рассматривает. Отсюда вывод, что придется философствовать нам самостоятельно, но что-то надо заимствовать из-за рубежа, постараться взять то, что важно, интересно. Здесь я столкнулся с тем, что библиотеки вообще — детища Просвещения, культ гуманизма, культ исти-

ны. Это соответствует библиотечному профессиональному сознанию. Западная культурология — да и наша немного — увлекаются иррационализмом, бессознательным пессимизмом, концом истории. Недавно вышла книга Юзефа Бохеньского «Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков», с которыми обязан бороться «каждый, кто чувствует в себе силы». Она переведена на русский язык. Это такие предрассудки: «гуманизм», «демократия», «любовь», «народ», «наука», «патриотизм», «прогресс», «просвещение», «разум», «свобода», «этика» и т.д. Для нашей библиотечной философии такая позиция, мне кажется, не годится. Единственное, что мы можем взять на вооружение, так это критическое отношение и к самим себе, и к обществу. Именно это критическое отношение должно присутствовать, к примеру, при оценке перспектив в развитии библиотек.

Национальная библиотека, в стенах которой мы находимся, увеличивает свои фонды стремительно: 30 млн., к концу тысячелетия — 40-50 млн., и все время стоит проблема площадей, проблема библиотечных кадров, материально-технические проблемы, но ведь с ними нельзя не считаться. Гуманистические гены подсказывают, что нам надо хранить все произведения письменности, все произведения разума, передавать социальную память, но нельзя ведь полгорода отвести под библиотечные хранилища. Что тут делать? Это ведь вообще иррациональный процесс, который происходит в библиотечном деле: накопление, накопление... Ради чего? Ради потомков, конечно. Но всякий рост должен иметь предел, и наша философия должна заинтересоваться этим пределом, так же как и другой проблемой иррациональности нашей гуманной культуры: несоответствие объема библиотечных фондов с возможностями восприятия их содержания. Как бороться с этой проблемой без опоры на философию? Никак. Здесь надо внимательно подумать.

Итак, я хотел бы подытожить.

1. Нынешнее отечественное библиотековедение после утраты идеологической части пребывает в противоестественном состоянии: имеется устойчивая технологическая традиция плюс идеологически деформированная социально-культурная составляющая, но нет профессиональной философии. Другими словами, библиотечный организм оказался обезглавленным, ибо лишился самосознания.

2. Профессиональное самосознание нельзя позаимствовать за рубежом во временное или постоянное пользование. Оно должно быть выращено на почве отечественного библиотечного дела трудами русских библиотековедов.

3. Философский вакуум библиотечной науки и практики так или иначе будет заполняться, будет сглаживаться идеологические деформации. Однако есть опасение, что возникающая стихийно-явочным порядком отечественная библиотечная философия будет замусорена эмпирическими рецептами, благими пожеланиями и дорогими воспоминаниями. Этого хочется избежать, поэтому я и приветствую нынешний семинар.

4. Было бы детской иллюзией надеяться, что сторонние для библиотечного дела люди, например культурфилософы, смогут сделать многозначительный вклад в философию библиотековедения. Сущность библиотек способны познать только философствующие библиотечные специалисты, а не приглашенные извне мыслители-совместители. Бурно развивающаяся культурология решает собственные научные задачи, и философское оскудение библиотечной науки ее вовсе не волнует.

5. Выращивание отечественной философии библиотековедения — труднейшая проблема: у нас нет философствующих библиотековедов. Вот на моей памяти Юрий Михайлович Коган работал в Библиотеке им. В.И. Ленина. Он философ по образованию и сделал значительный вклад в теорию библиографии. В библиотечном деле я знаю только одного специалиста-профессионала, который получил университетское образование — В.Р. Фирсов. Наверное, еще другие люди есть, но их очень мало. Несмотря на то, что библиотечное дело находится в крайне неблагоприятной социально-экономической ситуации, профессиональное библиотечное сознание пропитано инфантилизмом, некритичностью, упрощением, мы все-таки должны апеллировать к философской мудрости и постараться ее в себе взрастить.

Спасибо.

А.Н. Ванеев (*доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения Санкт-Петербургской академии культуры*).

Но все-таки хотелось бы знать вашу точку зрения, вашу позицию на уровне философского осмысления библиотеки в нашем дореволюционном библиотековедении. В начале 20 в. Федоров был философом и всю жизнь проработал в библиотеке. Это первое. Второе, поскольку, действительно, мы отказались от идеологии, насколько правомерно сегодня называть библиотековедение общественной наукой? И, наконец, последнее. У меня вызвало большое сомнение, можем ли мы вообще говорить о философии библиотечного дела? Ведь дел на свете полно: пожарное дело, сапожное дело и т.д. И что у каждого своя философия? По сути, надо говорить о философии библиотековедения, а не о философии библиотечного дела.

А.В. Соколов

По первому вопросу, насчет революционной теории, которая разрабатывалась в области библиотечного дела, можно сказать, что библиотека как социальный институт должна изучаться не какой-нибудь технической, естественной наукой, а общественной наукой, поэтому я тут Вас не понял. Может быть у Анатолия Николевича более глубокая мысль в этом вопросе? Пусть остальные выступающие меня дополнят: библиотековедение — общественная наука или не общественная? Может быть тут и есть о чем спорить, но для меня здесь нет вопросов.

Теперь философия библиотечного дела. Библиотечное дело нуждается в теории. А мудрость выше теории. Мудрость — это философия. А я ведь философию, должен признаться, наукой не считаю. Философия — это все-

таки мудрость. Хотя и числятся там кандидаты, профессора философских наук, но искусство мышления имеет большее значение, чем выученность научная. Вершина науки — это мудрость, которая именуется философией. Если токарное дело дойдет до мудрости, значит будет философия. Если мы доживем до мудрости применительно к библиотекам, то будет у нас философия. Сейчас ее нет, значит будет, почему бы нам не постараться. Это мое мнение.

С. С. Гусев

Мне кажется, здесь стоит некоторую терминологическую ясность внести. Одно дело, идеология как результат действия партийно-чиновничьего аппарата, а другое — идеология как оценка некой сущности, выраженная через рациональную систему представлений какой-то группы. Такая идеология всегда есть. В религии — своя идеология, в науке — своя идеология, видимо, в библиотечном деле тоже. Тогда речь скорее идет не о философии, а о замене этой партийной идеологии профессиональной, т.е. выявление каких-то проблем, связанных с вашей профессиональной деятельностью и поиск тех профессиональных общих основ, которые должны лежать в основе теории библиотечного дела. Философия, мне кажется, все-таки немножечко другим занимается. Может быть, не стоит говорить о философии библиотечного дела, а вот о создании какой-то культурологической идеологии, которая сменит партийную идеологию, говорить стоит. Но, по-моему, в любой профессиональной деятельности идеология — это рациональное выражение оценок, проблем и т.д.

А. В. Соколов

Станислав Сергеевич, можно я поясню свое понимание. Есть профессиональное практическое сознание в библиотечном деле, а есть научное сознание. Идеология, на мой взгляд, это среднее между практическим сознанием и научным сознанием. Потому что идеология подпитывается из науки, но ориентирована она на практику, т.е. претендует на то, чтобы управлять практикой.

Чем подпитывать идеологию, если мы науку ограничим, обкарнаем? Идеология сама из себя вырасти, мне кажется, не может.

С. С. Гусев

Нет, я говорю о профессиональных оценках. Идеология для меня — это некие оценки. Если философия выявляет сущность, то идеология выражает оценки, в разных группах могут быть разные оценки.

А. В. Соколов

Ну, а в библиотеках есть сущность?

С. С. Гусев

Конечно, да. Может быть, речь должна идти более о профессиональной идеологии. А теория необходима, конечно.

А. В. Соколов

Но, мне кажется, это предмет для следующего «круглого стола».

Б. Ф. Володин

Я тоже хочу задать вопрос, который связан частично с комментарием Станислава Сергеевича. Вы в первой части доклада говорили о том, что определенная часть библиотечного дела всегда была вне идеологии (существовала как бы объективно). Это особенность нашей науки, нашей сферы, в которой мы работаем. Может, это как раз нашим гостям не очень хорошо известно. Может, я тоже спорную точку зрения высказываю. Но, мне кажется, что особенность российской ситуации в отличие от всего окружающего нас в Западном мире в том, что мы не осмыслили еще свою специфику в каждой конкретной сфере, в библиотечной в том числе. В библиотечной сфере, в науке было всегда стремление какую-то часть деятельности, какую-то часть библиотечной науки вывести за рамки. Поэтому у нас образовалась наука, которой нет ни в одной зарубежной стране — библиографоведение. Я не говорю, что она не имеет права на существование, но она у нас есть и идет на порядок выше, чем библиотековедение, по своим теоретическим трудам. Это не случайно. Книговедение у нас тоже по-другому развивалось. В силу этого мы говорим о философии библиотековедения. Эта наука, которая как бы наиболее уязвима, потому что она оказалась сверхидеологизированной, и не могла быть иной. И эта наука выглядит более уязвимой по сравнению с библиографоведением, в которой была своего рода ниша. Сегодня сложно этот парадокс, это противоречие устранить.

Вы, Аркадий Васильевич, специалист уникальный в библиотечном деле, как человек в одном лице сочетающий базовые знания в области автоматизации, знания о библиографических и информационных процессах, т.е. имеете самый широкий кругозор. Вы свой человек в области библиографоведения и информатики. С другой стороны, Вы профессиональный библиотековед, который много лет занимается именно этими проблемами. Как Вы смотрите на эту ситуацию, есть ли здесь вообще предмет размышления в попытках решать проблемы философии библиотековедения или это все-таки проблема временная, надуманная, она как бы сама по себе?

А. В. Соколов

Мне есть что сказать по этому поводу. Во-первых, в социалистическом библиотековедении, в социалистическом библиографоведении, в социалистическом книговедении существует багаж, задел, которым разбрасываться нельзя. Огульное охаивание всего, что там было сделано 10 — 20 лет назад, недопустимо. Философски мыслящие индивиды этого позволить себе не могут. Так я понимаю вопрос Бориса Федоровича. Отрицание должно иметь разумные границы, отрицать нужно то, что нам мешает идти дальше. И, напротив, из прошлого нужно обязательно брать с собой то, что жизнеспособно. И такого немало.

Философия — та же самая проблема. Вот мой ответ.

Р.С.Гиляревский

Я хочу спросить. В Москве на главных улицах большие плакаты «Христос воскрес», на Невском я их видел. Сегодня на Национальной библиотеке такого плаката нет. Завтра он будет? То есть заменим ли мы социалистическую идеологию православной или нет?

С.С.Гусев

Все-таки лучше профессиональной идеологией заменить, а не конфессиональной.

В.Р.Фирсов**БИБЛИОТЕКА И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ**

Очень сложно выступать после такого блестящего доклада Аркадия Васильевича, тем более я буду затрагивать один из частных сюжетов этой большой темы: взаимоотношения философии и библиотекведения, осмысления философских позиций, принципов, тех процессов или тех явлений, которые происходят в нашем библиотечном деле. Я не предполагаю делать какой-то развёрнутый доклад, а хочу проиграть один сюжет применительно прежде всего к теме «Библиотека и целеполагание» или «Библиотека и определение смысла библиотечной работы». Тема, как я уже в кратком слове сказал, спорадически возникает и становится в центре обсуждения в различных библиотекведческих школах в различных странах в различные исторические периоды.

Приобретают совершенно разные наименования проблемы социальных функций, социальных ролей, базовые миссии библиотеки и т.д.

Прежде всего, я хочу взглянуть как бы на несколько ипостасей процесса целеполагания. Актуальность его очевидна. Практически получилось так, что в конкретно-исторической ситуации в течение последних 8 — 10 лет, библиотека, как таковая, перестала выполнять традиционные партийные функции. Процесс постепенного отказа от тех ролей, которые выполняла библиотека, естественно, привел к состоянию глубокого профессионального дискомфорта среди библиотечных работников. В данном случае, когда я произношу слово «идеология», я солидаризируюсь вполне со Станиславом Сергеевичем, что этот процесс, с одной стороны, как мы традиционно говорим, — утрата идеологического освещения библиотечной работы, ее идеологической составляющей. Когда мы так говорим, мы традиционно воспринимаем это заведомо как однозначно положительное явление. В данном случае я имею в виду его отрицательную сторону. Почему отрицательную сторону? Потому что речь идет именно о том, что произошла утрата профессиональной идеологии. Это уже дело конкретно-исторической ситуации, что профессиональная идеология совпала с партийной, то есть была навязана определенной политической группой лиц. Одна из ипостасей этого

осмысления социальной роли библиотеки оказывается как раз в том, что утрата профессиональной идеологии так болезненно воспринимается.

В профессиональной идеологии представление о социальной роли, социальном назначении библиотечной работы занимало ведущее место, то есть оно было основной весомой составляющей. Но главная составляющая идеологии, с моей точки зрения, — это ценностное отношение к действительности, это выдвигание каких-то идей, придание им каких-то знаков ценностей. В этом смысле представление о социальной роли библиотеки является главной составляющей профессиональной идеологии не только традиционной нашей российской действительности, но и других библиотечных школ, в том числе профессионального библиотечного сообщества.

Если мы возьмем один из основных документов, определяющих перспективы развития одного из типов библиотек — публичной (я имею в виду известный Манифест ЮНЕСКО, недавно вышла его третья редакция), то это декларирование основ профессиональной идеологии. Именно в эти основы профессиональной идеологии, в первую очередь, входит определение социальной роли, которая определяется в зависимости от тех подходов, которые перечислял Аркадий Васильевич; один из них — либерально-демократический.

Вот я держу последний Манифест ЮНЕСКО 1994 года (1995 год был первым годом его внедрения), где определяется: «Публичная библиотека — это неотъемлемое условие обеспечения решений и культурного развития граждан и социальных групп. Благотворное участие граждан и развитие демократии зависит от получения образования, а так же от свободного неограниченного доступа к знаниям, идеям, культуре, информации». Преамбула, собственно, посвящена как раз основной составляющей профессиональной идеологии, социальной роли библиотеки. Это одна ипостась.

Вторая ипостась определения социальной роли — определение с точки зрения здравого смысла. Это тоже достаточно распространенная традиция. Я хочу сказать, что в тех же англоязычных странах она достаточно весома, в частности, я беру пример США. Несмотря на огромное количество социально-философской литературы, тем не менее, среди подавляющего большинства библиотечных работников она выделяется исключительно на уровне здравого смысла. Могут быть различные подходы, наиболее близкий нам, например, «сохранение книг», «предоставление книг», или вот один из распространенных в развитых странах принцип «быть приятной обществу». Книга здесь вообще не фиксируется, предоставление документов не фиксируется, а только вся совокупность форм работы, которая делает библиотеку приятной тем людям, которые содержат ее на свои деньги.

И третья ипостась — определение социальной роли как проблема фундаментального библиотековедения, теоретическая проблема библиотековедения или как социально-философская проблема библиотековедения. Определение социальной роли библиотеки, ее предназначения именно с точки зрения тех общетеоретических принципов методологического аппарата, ко-

торым владеет исследователь, или с точки зрения социально-философской, историко-культурологической. Тут тоже определений можно привести большое количество, наиболее распространенные из них, которые лежат как бы на поверхности: первое — библиотека как институт культурной преемственности, хотя каждая из них несет свою определенную специфику; второе — библиотека как институт социальной коммуникации. Почему разделяется преемственность и коммуникация? Они тоже по-своему определяются социальным, в том числе социально-политическим, контекстом. Когда мы говорим «библиотека» как институт социальной коммуникации, то речь идет об обеспечении коммуникации по вертикали, то есть преемственность во времени, что собственно покрывает определение культурной преемственности. Но в данном случае, речь идет об обеспечении коммуникации по горизонтали, т.е. между различными культурными, профессиональными, предметными областями и т.д.

Теперь, когда мы говорим об определении роли библиотеки на общетеоретическом, социально-философском уровне, то хочу проиллюстрировать это на одном сюжете, показать зависимость от историко-социальных традиций, от состояния общества. Мне кажется, что принципиально значимым в определении социальной роли библиотеки является взаимозависимость между обществом и культурой. В целях анализа, я считаю, можно провести такое условное допущение между собственно социальной сферой и сферой культурной. Какие здесь могут быть зависимости? Условно мы берем два явления, два феномена. Первое, когда общество, т.е. социум, занимает позицию по отношению к культуре, скажем, однонаправленную. Это может быть диктат, руководящая роль. Второй механизм, когда культура, наоборот, над социумом, то есть зависимость направлена совершенно в другую сторону. Вот какие зависимости я могу условно различать.

Первая зависимость, когда культура выполняет подчиненную роль, на мой взгляд, наиболее характерна для тех обществ, которые можно условно назвать развитыми. В данном случае я сознательно избегаю политических оценок, потому что первое, что приходит в голову, что это более характерно для тоталитарных обществ. В данном случае я хочу избежать этой политической оценки, потому что, на мой взгляд, ориентация общества на подчинение культуры характерна для развитых обществ, и не имеет значение какая там политическая система. Почему? Это естественно, потому что всякое общество, достигнув определенной стадии развития стремится к сохранению стабильности. Какие существуют механизмы стабилизации? В конечном счете возникает механизм стагнации. Это, хотим мы этого или не хотим, как раз учреждения культуры, потому что в основе своей культура всегда более консервативное образование, чем политика, экономика. При таком положении культура сводится к чему? Культура сводится к одухотворению или наделянию знаками ценностей каких-то принципов, идей, идеалов, которые вносятся в культуру извне, из сферы социальной, из сферы политической. Культура как бы выполняет подчиненную роль.

В такой ситуации, как правило, у культуры достаточно высокий социальный статус, само ощущение библиотечных работников психологически комфортное. Высокая значимая социальная роль освещается в обществе, декларируется бережное отношение к объектам культуры, в том числе к библиотекам. Вы помните эпитеты, которые нам принадлежат: «опорная база». В этот период ситуация взаимоотношения феномена культуры и социума способствует тому, что роль библиотеки определяется не только достаточно высоко, но и достаточно актуальной становится сама проблема определения социальной роли. Мы знаем, что в этот период (правда, здесь есть определенные национальные черты) очень высокий престиж чтения и т.д. Моменты, окружающие библиотеку, способствуют определенной стабилизации общества.

Другая возможная модель — это ситуация развивающихся обществ, когда культура сама берет на себя роль, не получая особого благославения от каких-то социальных структур. Она берет на себя роль творца ценностей, идеалов, идей, которые потом становятся достоянием социума. Культура в этот период пользуется определенной самостоятельностью.

Во-первых, она по своему характеру достаточно разнородна. Во-вторых, она живет достаточно самостоятельной жизнью, находится в центре внимания различных социальных структур. Характерная черта такой ситуации: престиж работников культуры, престиж культуры часто становится уделом сподвижников. В такой ситуации роль библиотеки не только не определяется на теоретическом уровне, но сама проблема, постановка этой проблемы как бы не генерируется ни снизу, поскольку библиотека находится в поиске своего социального назначения, ни тем более, не освещается сверху. Как правило, в таких ситуациях социальная роль библиотеки определяется, декларируется на уровне здравого смысла.

Я представляю, что эти две модели взаимодействия социума и феномена культуры, которые я нарисовал, предельно условны, но, тем не менее, на мой взгляд, они обладают достаточной степенью конкретности.

Применительно к определению социальной роли библиотеки, вопрос заключается в том, на каком этапе мы сейчас находимся? Это та проблема, которая, мне кажется, представляет значительный интерес. Говорить о том, что библиотека в настоящее время уже перешла в другое историческое состояние, которое мы можем характеризовать как развивающееся общество, что библиотеки являются достаточно автономной сферой, которая сама генерирует какие-то идеи, идеалы, ценности, которые воплощаются в том числе в дальнейшей работе, на мой взгляд, преждевременно. На каком же этапе сейчас наши библиотечные практики определяют социальную роль? На этом я хотел бы закончить.

М.Я. Дворкина. Вы сказали о том, что библиотеки сейчас оказываются в идеологическом вакууме и получается так, что как будто бы та идеология, которая была, она как бы органически вошла и стала идеологией библиотечного дела. Мне, все-таки, кажется, что не было это органически, а было

навязано и что в библиотечном деле, вообще говоря, была своя идеология, она есть и продолжает быть, так как есть некоторые инварианты, которые как бы постоянно и в течение длительного времени являются каким-то ценностным моментом в библиотечном деле. А политическая идеология в определенный период была навязана и неорганически вошла в наш мир.

Приведу пример, скажем, если мы берем книгу Л.Б. Хавкиной «Книга и библиотека», написанную в 1916 г., то там изложены ценности, которые, когда мы сейчас о них читаем, кажутся современными. Поэтому если мы в этом вопросе разберемся, то может быть поймем, в каком положении находится библиотека, какая модель существует сегодня. Это и вопрос: считаете ли Вы, что та идеология была для нас органична?

В.Р. Фирсов

Насчет органичности определенные сомнения можно с Вами разделить. Я представляю себе этот процесс так: я целиком поддерживаю высказанное Вами мнение, что был какой-то инвариант, была какая-то кочерыжка, но проблема поиска этой кочерыжки на сегодняшний день продолжает еще оставаться достаточно актуальной. В чем эта кочерыжка, этот инвариант, который не испытал на себе воздействие социальных наслоений? В этом смысле как кочан капусты. Когда социальные наслоения будем лист за листиком снимать, то, наконец, обнаружим кочерыжку, наш инвариант. На мой взгляд, эта проблема не так просто разрешима, потому что, мне кажется, в течение многих столетий над этим бьется и зарубежное библиотековедение, и наше, потому что в эту кочерыжку входит самая простая вещь, например, обеспечение всеобщей доступности фондов.

М.Я. Дворкина

Просто удовлетворение потребностей читателей.

В.Р. Фирсов

Если проследить по различным периодам, то этот инвариант тоже значительно трансформировался.

М.И. Акилина

Владимир Руфинович, как Вы сами отвечаете на поставленный вопрос? Если Вы вопрос поставили, значит у Вас есть какой-то ответ на него?

В.Р. Фирсов

Не могу я ответить на этот вопрос. Я сейчас пытаюсь заняться тем же самым, чем Аркадий Васильевич занимается, то есть пытаюсь найти ответ на этот вопрос в зарубежном библиотековедении, в зарубежной практике, в тех классических трудах зарубежных библиотековедов, которые ее осмыслили. Мне первичное представление было такое, что оказывается очень просто можно взять и пересадить на нашу почву идеалы либерального демократизма, но я убедился, что это далеко не так. На сегодняшний день вопрос носит нериторический характер.

Ю. М. Шилков

БИБЛИОТЕКА КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ.

Вовлеченное в круговорот философского обсуждения понятие библиотеки наделяется смысложизненными чертами: оно способствует проникновению во внутренний мир человека, в структуры его жизни, бытия. С этой точки зрения название моего сообщения идет вразрез с традиционным пониманием библиотеки как культурного центра, как хранилища всевозможной информации с присущими ему функциями предоставления библиотечных услуг. По какому-то недоразумению философы не любят много рассуждать о библиотеке, хотя от Платона до К. Поппера сложилась весьма красочная мозаика ее смысложизненных назначений. Библиотека оказывается интегральным сосредоточением идеальных объектов так называемого третьего мира, опосредующего отношения человеческого и природного миров. Основной пафос философского представления такой роли библиотеки заключается в раскрытии свойств, выражающих ее когнитивно-ценностные и коммуникативные качества.

Наша жизнь упорядочивается и выражается в текстах устной и письменной речи, т.е. она отличается дискурсивным характером. Дискурсивность жизни воплощается в книжной, библиотечной форме и становится достоинством культуры, истории и общества. Другими словами, библиотека оказывается хранилищем человеческой культуры, культурных ценностей, архивом человеческих знаний. Библиотека реализует функцию общения между разными поколениями людей, между разными культурами и историческими эпохами, между разными сообществами людей. В свою очередь, культура, история и общество задают всеобщие и необходимые (прибегая к философской терминологии, трансцендентальные) условия работы библиотеки в качестве одного из универсальных способов познания. Модель библиотеки как живого организма познания многослойна, стратифицирована: можно, по видимому, говорить о таких уровнях, как, например, первоначальная ликвидация безграмотности вообще или в какой-то отдельной области знания, о решении задач обучения, образования, просвещения; можно также говорить о режиме библиотечного самопознания (библиотекведение, библиографический анализ). Меня же интересует познание как производство нового текста, дискурса, в основе которого, конечно же лежит книжное обозрение, собрание текстов по вполне конкретной области знания. Вряд ли сегодня возможно познание вообще в какой-либо науке, искусстве, в повседневном или религиозном смысле слова без обращения к уже известным текстам. Ведь только при определении соответствующих различий можно отделить элементы нового знания от старого, известного.

Библиотека опосредует обращение познающего читателя к текстам другой культуры, языка, истории, общества. Продуктивность познания во многом связана с возможностями предметной дифференциации и конкретизации знаний (в частности, научных знаний) библиотечными средствами и последу-

ющего их представления (репрезентации). Ведь для читателя, работающего в режиме познания (в условиях научной библиотеки), другой текст оказывается в функции искомого. В связи с этим проблема первоначального распознавания текста, знакомства с ним (в новых поступлениях библиотеки) приобретает ключевое значение, особенно в системе предметно-дисциплинарных различий гуманитарного знания (гуманитарных наук). Нормальная работа когнитивно-ценностных механизмов познающего читателя сталкивается, порой, с серьёзными трудностями, обусловленными инструментально-технологическими ограничениями современных библиотек. Проще говоря и не вникая в сложности «библиотечного кризиса», хочу сказать, что наша отечественная библиотека «не приспособлена» к требованиям очень интенсивного, высокоспециализированного и дифференцированного современного научного познания. Если же говорить о разработке каких-то библиотечных идеологий на ближайшую перспективу, то, по-видимому, никак нельзя замещать философию библиотечного дела и жизни такой идеологией, которая бы превратила библиотеку в «закрытый» институт самопознания. Философия позволяет видеть в библиотеке (конечно, в частности) «открытый» институт познания — институт формирования стратегий познающего читателя со всеми присущими для них предметными особенностями, в которых (при желании) можно было бы совместить трансцендентальный статус библиотеки и индивидуальность, личностность познающего читателя.

Б.В.Марков

Библиотека как дисциплинарное ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Я с большим волнением выступаю здесь. С этим зданием много связано, в нём я провёл, можно сказать, лучшие годы. Кроме знаний я получил от этой библиотеки дисциплинарное воздействие — приобрёл опыт усидчивости и терпения, радости и страдания. Вероятно, оно было не таким, как для современных читателей, но, несомненно, что и сегодня это здание производит изменение не только разума, но и души, и даже тела.

В этом смысле я хочу говорить о библиотеке не только как о «музее», месте, где хранятся книги, продукты духовного производства, но и о том, что сама библиотека представляет собой довольно сложный организм со своей технологией. Как и всякая общественная машина, она предъявляет свои технологические и информационные требования. И я хочу спросить о том, каким должен быть человек, скажем, неукротимый ребёнок, для того, чтобы стать читателем или библиотечным работником, часами просиживать здесь, работать с каталогами и книгами? Короче говоря, речь пойдёт о тех, может быть, незаметных, незамечаемых воздействиях самой библиотеки на человека, на его поведение или, как модно говорить, на менталитет.

Я хочу также сказать несколько слов о том, что я бы назвал этосом библиотекаря. Этот вопрос уже затрагивался здесь наряду с идеологической, технологической составляющей библиотеки. За идеологию вообще особенно не следует беспокоиться, хотя обычно ей придают большое значение. В действительности в развитых обществах идеология не занимает большого места. Например, сегодня мы живём без «большой» идеологии, но на самом деле живётся, дышится ничуть не свободнее, чем раньше. Идеология уязвима, когда она записана и поэтому подлежит критике, сомнению. С идеологией может справиться любой грамотный человек и сегодня философы по старинке претендуют на то, чтобы разоблачать идеологию, учить людей и открывать им глаза на истину. Но вообще это смешно, потому что народ знает правду гораздо лучше, чем сами идеологи.

Философы как критики идеологии, библиотечные работники и интеллектуалы находятся в очень странных отношениях с властью: с одной стороны, они критикуют и как бы занимают левую сторону дискурса (по традиции, русская интеллигенция всегда критиковала власть), с другой стороны, парадоксальным образом, они её производят. Здесь говорилось об эмансипирующей роли знания как раз с точки зрения одного из лидеров постмодернизма Фуко: «Знание и есть настоящая власть». Поэтому допущение о том, что есть чистое знание, и библиотека как прибежище знания — это, вообще говоря, деидеологизированное, свободное пространство, пространство истины, оказывается во многом утопичным, во всяком случае в нём есть элемент интеллектуального романтизма. На мой взгляд, технологические функции знания, наверное, наиболее интересны. И, в частности, нельзя заниматься философией библиотеки, игнорируя тот факт, что она представляет собой одно из многообразных дисциплинарных пространств общества.

Какие коммуникативные нормы определяют поведение и переживания людей в научных институтах, театрах, музеях, библиотеках — это, вообще говоря, не изучено. Когда говорят о свободе, то думают о критике идеологии. Мне кажется более важной задача как бы микроскопической работы по оздоровлению, эмансипации тех дисциплинарных пространств, в которых мы живём. Место нашей работы делает человека таким, каким он должен быть для того, чтобы на этом месте выполнять свои функции. Вот почему вопросы, скажем, о фондах, каталогах, библиографиях, должностных инструкциях (вы знаете лучше меня историю этого дела) мне кажутся наиболее значительными в истории библиотек, а, может быть, в истории культуры вообще.

Обычно обращают внимание на новые книги и великие открытия и забывают о хранении культурных ценностей, об их распределении и циркуляции. Можно позаимствовать схему, открытую ещё Марксом и повторённую Фрейдом, о том, как эксплуатируется, как используется рабочая сила, психическая энергия и капитал. А ведь книги, информация — это символический капитал. Кризис библиотеки (вообще говоря, я понял, что он многообразен) не сводится к тому, что государство обеднело и не имеет денег на

социальную сферу. Для библиотек это плохо, потому что мыслитель, автор не может быть безработным: пиши и думай. А книги гибнут: пожары — это страшные формы протеста, которые очень радикальны и которые специально надо осмыслять не как стихийное бедствие, а как очень мощный деструктивный фактор. Сейчас мы живём в условиях коллапса. Кризис библиотеки — это кризис перепроизводства, который начался и повторяется уже давно. Я посмотрел книгу о Корфе, который тоже столкнулся с тем, что он сначала собирал книги, потом не знал, куда их девать. Составить и разместить каталоги тоже проблема, как писал Корф: «У меня волосы встают дыбом, когда я думаю о том, куда всё это дену». Это, конечно, гигантская работа.

Сегодня политика библиотеки, если это слово можно употребить, должна измениться. Мы должны осознать, что если раньше библиотека работала в условиях нехватки и весь этос, вся идеология библиотечных работников (идеология непартийная, я имею в виду — в смысле духовности) сравнима с кодексом врача, который должен в любое время прийти к больному и дать ему помощь (сегодня этика врача тоже под вопросом, потому что пересадка органов и прочие вещи никак ею не регулируются). Мне кажется, что этот воспитанный на нехватке знания кодекс библиотекаря: собрать книги все вместе, дать возможность широкого доступа читателю, снизить дефицит — эта функция становится во многом сегодня ненужной.

Может я скажу резко, но, наверное, это нужно сделать, хотя я не ориентируюсь в ситуации полностью: надо прекратить говорить о нехватке, о том что действительно настоящих учёных, стоящих книг мало. Нет смысла бороться за старые добродетели — опять нужно устраивать выставки, давать читателю информацию. Естественно, эти проблемы остаются. Открывается доступ к неизвестной литературе (я не говорю о чтиве и не знаю, вынуждены её покупать библиотеки или получают обязательный экземпляр), но библиотеки им завалены. Сейчас на самом деле получается так: студенты приходят в библиотеку, и вы страдаете от них, ибо они спрашивают какую-то литературу, которой нет, по крайней мере, не хватает — это учебная литература по гуманитарным наукам. А между тем, она не поступает в достаточном количестве в библиотеки. Моя родственница работает в библиотеке имени В.В. Маяковского, она переживает, что идёт бульварная литература, которая, по идее, не нужна. Нужна, например, по психологии, философии, культурологии и т.д. В конце концов, я думаю, это пройдёт, и всё равно мы осознаём (уже осознаём) ту ситуацию, что сейчас нет нехватки, а есть излишек, т.е. перепроизводство.

Говоря о власти, о связи библиотеки с государственной политикой, нельзя отрицать, что государство всегда заинтересовано в том, чтобы сделать библиотеку инструментом воздействия на людей. Бекендорф писал, что библиотекарь должен, как аптекарь, дающий лекарства-яды и противоядия, выдавать книги читателю строго по рецепту, выписанному правительством. Здесь власть себя проявляет как регулятор открытия и закрытия доступа к книгам. Цензура и специальные комиссии изучали читательский спрос и

выясняли на основании запросов книг благонадёжность граждан. Здесь не нужно дорогостоящих затрат: если изучать требования, можно изучить настроения людей. Это совершенно очевидная вещь.

Сегодня власть не запрещает. Во всяком случае, западное общество живёт в условиях коллапса, когда всего много: излишек реальности, поэтому нужно не запрещать, а рекламировать потребление. Отсюда культ потребления. Власть меняется, она от негативных и распределительных функций переходит к управлению потреблением. Интенсификация потребления и реклама вызваны тем, чтобы навязать людям то, что производит промышленность. Мне кажется, в библиотеке тоже стоит вопрос о циркуляции символического капитала. Библиотека оказалась перегруженной книгами, и можно говорить о её кризисе потому, что старыми средствами она уже может не справиться. Тем более маячит призрак Интернета, в корне подрывающего классическую библиотеку. Всё-таки книги, которые поступали на полки, проходили предварительную цензуру на научном сообществе, были свои рецензенты, специальный издательский совет отвечал за содержание. Как правило, книгоиздания, журналы, которые публиковались и лежали на полках библиотек, чтобы попасть на них, проходили ряд обсуждений, и далеко не каждый, вообще говоря, автор мог опубликовать свой труд. В этом смысле были какие-то гарантии научности, гарантии корректности, культурности, духовности. Читатель был как бы завершающей фигурой, его спрос на книгу определял окончательную оценку книги.

Но в сетях Интернета каждый может писать что угодно, и в этом смысле там нет никакой цензуры. Там нет возможности контролировать информацию. Причём годы, уходившие на создание каталогов, кажутся потраченными напрасно. Профессия библиографа может отмереть: нажатие на кнопку компьютера выдаёт поток литературы. Может быть, я утрирую. Но на самом деле я понимаю, что за всем этим стоит программист, и в этом смысле старый библиограф может превратиться в него, но, на мой взгляд, доля автоматизма очень велика (судя по тем спискам литературы, которые выдаёт машина, там макулатуры, наверное, 90%). Мы были воспитаны по-другому и всегда благодарны работникам справочно-библиографического кабинета, где получали хорошую информацию, получали то, что, вообще говоря, сами в силу узколюбости не планировали читать. Естественно, здесь человеческий фактор остаётся очень важным.

Но в любом случае я хотел бы обратить внимание на то, что в условиях перепроизводства информации библиотека, по-видимому, должна каким-то образом перестроиться. И вот здесь как это не страшно, я думаю, что нужно всё-таки соединить библиотеку и музей как форму хранения духовных ценностей и модель рынка. Дело в том, что к рынку у нас, русских, отношение очень плохое, тем более после того, что произошло. Но это старая история. Христианское общество стало разлагаться, когда наряду с христианским храмом, где люди объединялись, целовались, обнимались, каялись, появился рынок.

Рынок — это место конкуренции, злобы, агрессии. Было понятно, что он будет разъедать общество, угрожать его единству. Адам Смит (как известно, романтик, идеолог рынка) говорил о том, что он будет не только разъединять, но и объединять людей, потому что там производители связаны между собой: тот, кто производит швейные иголки, должен купить сыртки. Автономные изолированные индивиды, действующие на свой страх и риск, на самом деле объединятся. Эта модель была дополнена идеей разума: именно разум объединит автономных людей, изолированных, выпавших из коллективного тела общества. Индивиды смогут между собой договориться на основе знания, подпишут общественный договор и установят нормальное общество. Библиотеки в этом пространстве играли коммуникативную роль.

В этом смысле библиотеку можно рассматривать по аналогии, скажем, с театрами, выставками, концертами, образующими феномен публики. Это очень важное явление, я считаю, в общем-то, недооценённое. В этой связи я хочу сказать, что здесь элемент сходства с рынком был и остаётся ещё более сильным. Это дикий рынок — место разногласия, агрессии и злобы, но как раз западное общество смогло каким-то образом соединить пространство права и рынка. В частности, библиотека играла роль такого места, где различные слои общества пересекались, встречались, беседовали, и возникало то, что мы называем консенсусом, здравым смыслом, согласием. Понятие разума имело своим основанием коллективного субъекта, единство которого задавала коммуникация. Литературная критика, в частности, выступала носителем здравого смысла тех людей, которые собирались в библиотеке, в салонах, в кофейнях. Я пока не дифференцирую — большие библиотеки или малые, — а говорю о культурологическом значении библиотеки.

Макс Вебер, который написал известную книгу о протестантской этике, указал на факт, когда христианские ценности и ценности рынка совпали. Если мы видим, предположим, нашего капиталиста, если у нас, по признанию самих предпринимателей, честный бизнес невозможен, а капитал не работает на общество, то М. Вебер в качестве условия капитализма указал на религиозное отношение к капиталу: забота о его накоплении и рациональном использовании становится долгом предпринимателя. В какой-то мере это применимо и к библиотеке: в принципе, должен быть соединён нравственный и рыночный подход к книге.

Современная библиотека является хранилищем огромных богатств и не имеет средств для его хранения. Вы как бы сидите на этом богатстве и страдаете от него. Речь идёт о том, что, конечно, надо менять и продавать эти ценности, но, по крайней мере, может, не стоит брать то, что не нужно. Политика смешанного «рыночно-религиозного» отношения к книге, на мой взгляд, необходима. Вот почему этос библиотекаря должен как-то измениться. Русский менталитет, на который мы возлагаем большие надежды, здесь нам не помогает, а мешает, т.е. я хочу сказать, что русская культура, русская индивидуальность связана не столько с феноменом информации, сколько с феноменом духовности. Быть хранилищем духовных ценностей — вот в чём

видится задача библиотеки. Отсюда мы ориентируемся на то, что читатель, который приходит в библиотеку, будет читать великие произведения искусства, он повторит своей жизнью жизнь великих людей, и тем самым библиотека как дисциплинарное пространство будет иметь важное моделирующее значение.

Но, мне кажется, что, не отрицая полностью необходимости сохранения духовности, мы не можем закрывать глаза на то, что информация должна циркулировать, должна продаваться, покупаться и обращаться. Заканчивая своё выступление, я хочу сказать, что известная разворотливость, купеческий дух не только не повредит, а даже будет способствовать тому, что библиотека сохранится.

Подведём итоги: сначала говорили о «смерти автора». От жизни и биографии писателя литературоведы обернулись к письму, к книге. Потом заговорили о «смерти книги», важной стала библиотека. Но сегодня уже говорят о смерти библиотеки. Особенно бояться не нужно, потому что и автор, и книга, и библиотека — всё живёт. Ницше ведь имел в виду, что умер бог бабушек, бог проповедников. Речь шла о новом идеале, и если мы будем говорить о кризисе и даже о смерти библиотеки, это будет только означать, что мы ищем какую-то новую форму её организации.

Хочу сказать о философях. Вы пригласили на удивление неклассических философов, я не мыслю себя «большим философом», имеющим нахальство или смелость давать советы. Философы вообще являются не центральными, а пограничными фигурами в культуре. Их задача в том, чтобы коммуницировать с общественностью, указывать на допущения и скрытые предпосылки самой коммуникации. Есть вещи, которым библиотекосведов не обучают. И как раз задача философии заключается в том, чтобы извлечь элементы идеологии, скрытые в библиографических картотеках и других способах распределения и селекции книг. На самом деле, от прошлого нельзя освободиться даже путём покаяния или критики. Мы ещё долго будем жить при социализме, хотя на словах от него отказались.

М. М. Шibaева

Культурное пространство современности И БИБЛИОТЕКИ

Многоуважаемые коллеги! Всех нас — и вас, подвижнически продолжающих исследовательско-творческие традиции духовной жизни вашего прекрасного города, и нас, гостей, приглашенных на «круглый стол» по проблемам концептуализации библиотечного дела, объединяет, по сути, общее стремление: поразмышлять вслух искренне и серьезно.

Потребность в несуетном характере сосредоточения внимания историков, философов, педагогов, методистов-экспериментаторов на методологи-

ческих аспектах жизнедеятельности такого особого социокультурного института, как библиотека, обусловлена качественно определенными причинно-следственными связями. Каждый из нас в той или иной мере и форме оказывается включенным в нынешнюю реальность, как в своеобразное «поле проблем», если прибегнуть к этому словосочетанию М.М.Бахтина.

Комплекс сложных и открытых вопросов, отражающих проблемную насыщенность современности, включает в себя и моменты, которые органично вплетены в культурное пространство дня сегодняшнего и потому позволяют взглянуть и на сами библиотеки с различных позиций.

Мне представляется правомерным — как и питерским коллегам-философам, выступающим до меня, — подойти к феномену библиотечного дела под углом зрения рефлексии над ее местом в современном контексте культуры.

Возможность и корректность взгляда на проблемы библиотек в связи с качественными характеристиками и тенденциями культурной повседневности вряд ли вызывает сомнение у присутствующих на нашей встрече специалистов. Ведь стремление соединить библиотечное «поле проблем» с проблемным пространством культуры в целом обусловлено совокупностью и объективных причин, и субъективных факторов. Все мы живем в том информационном обществе, потенциал которого именно в силу своей технологической мощи и кумулятивности вызывает к жизни не только позитивные, но и негативные тенденции в сфере индивидуального бытия людей. Уже не один год и на конференциях, и на семинарах, и на страницах специальных изданий или публицистических текстов акцентируется неоднозначность мощного развития информационной цивилизации, нарастания информационного «бума» и невиданного в прежние культурно-исторические эпохи разнообразия аудиовизуальных средств тиражирования, трансляции и «прессинга» все новых и новых текстов культуры. Проблема, экзистенциально переживаемая людьми, живущими «здесь-и-сейчас» в условиях постоянного и при этом хаотично-неупорядоченного воздействия информационной технологии на личность, состоит в факте беспрецедентной несоизмеримости текстуально-символической переизбыточности (для небольшого срока человеческой жизни) и реальных субъективных возможностей самоопределения в современном культурном пространстве.

В наши дни во всем цивилизованном мире культурное пространство предстает в нескольких «срезах» и типах «явленности». Во — первых, как реальность, культурное пространство эпохи обнаруживает себя в качестве ойкумены особого рода: она, как все вы хорошо знаете, порождена коллективным человеческим разумом, эволюционирующим с незапамятных времен до настоящего момента, и инновационными процессами субъектов культуры, творящих в основных сферах жизнедеятельности социума. Ойкумена эта есть одновременно и сфера духовно-нравственных исканий, проб, ошибок и обретений, и безграничная территория «размещения» жанрово-видового богатства культурных текстов. Во-вторых, культурное пространство является и областью тех смыслов и значений, которым на сегодняшний

день «несть числа», что также порождает ряд проблем, возникающих перед библиотеками как хранилищами и трансляторами различных элементов ценностного фонда культуры. В-третьих, культурное пространство накануне следующего тысячелетия бытия человечества все в большей степени раздвигает свои границы в силу того, что время «вынашивает перемены» и через субъекта познавательно-творческой деятельности «воплощает» их в постоянно увеличивающееся число новых идей, образов, мифологем и идеологем; отсюда — конфигуративность «территории» культуры и «изношенность» традиционных способов-механизмов упорядочения повседневных связей «мира человека» с информационным «макрокосмом».

Именно поэтому для людей, успевших укорениться в Универсуме культуры (синтезирующем в себе причудливую иерархию ценностно-смысловых пластов и знаково-символического разнообразия прошлых эпох и современности), его пространство оказывается своего рода нишей: здесь оказывается возможным сохранить душевный комфорт содержательного освоения интеллектуальных, этических, художественно-эстетических, сакральных ценностей.

Таким образом, современное культурное пространство мира в целом и нашей страны, в частности, онтологически существует одновременно и как «вторая природа», и как «искусственная среда», и как «символическая вселенная» и как, наконец, «пространство собственных имен». Стало быть, его содержательно-смысловая емкость, информационная безграничность и ценностная привлекательность для людей усложняют реалии функционирования социокультурного института под названием «библиотека».

Думается, что потребность людей в самоопределении в хаосе информационного «прессинга» и океане культурных текстов, с одной стороны, и их инстинктивное стремление к преодолению психологического дискомфорта из-за индивидуальной несоразмерности ценностному фонду культуры, с другой, к обретению чувства гармонии и продуктивного общения с книгой, повышают фактическую роль библиотеки в индивидуально-личностном бытии. Не только как здание с уютными читальными залами, разнообразными справочно-консультационными службами и манящими к себе книгохранилищами, библиотека способна частично снять напряженность существования людей в современном культурном пространстве. Социокультурный институт библиотеки обладает — благодаря своим квалифицированным кадрам и активу подвижников — реальными и разнообразными возможностями целенаправленно и продуктивно гуманизировать коллизии встречи читателей с книгой. Работающие в сфере библиотечного дела оказываются сегодня и интерпретаторами культурных текстов, и добрыми, чуткими наставниками и, как мне представляется, своего рода организаторами высокоинтеллектуального общения посетителей библиотеки в ситуации комфортной атмосферы.

Часы, проведенные в библиотеке, могут стать для представителей различных читательских слоев и поколений не только временем решения конкретных задач обучения, самообразования, обогащения духовно-нравственного опыта: здесь временная протяженность индивидуального пребывания

людей как бы «смыкается» с культурным пространством. И тогда регулярные плодотворные посещения библиотек — при хорошо отработанной методике общения специалистов с читательской аудиторией — способны трансформироваться в специфическую форму «игры в бисер», т.е. свободного увлекательного и весьма продуктивного погружения в глубины тех сфер современного культурного пространства, которые активизируют индивидуальные культуротворческие интенции читателей и повышают меру их эстетического вкуса, а также интеллектуальных сил и уровень нравственных отношений.

Сказанное позволяет мне метафорически охарактеризовать библиотекаря, работающего в нынешних социокультурных обстоятельствах жизни, как современного Вергилия, который проводит всех нас по кругам новой реальности, облегчая возможности индивидуально-личностного «вживания-вчувствования» в пространство Универсума культуры.

Реплика. Игра все-таки на выживание?

М.М. Шибаева

Как величайшая мудрость — инстинкт самосохранения. Но не только выживание, а и роскошь общения.

М.Я. Дворкина

Игра как способ существования?

М.М. Шибаева

Да, вся культура, собственно говоря, игра и соотношение условного и реального.

М.И. Акилин.

ФИЛОСОФИЯ БИБЛИОТЕКИ. АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ.

Потребность осмысления происходящих в библиотечной реальности явлений, места библиотеки в ряду других социальных институтов с более глубоких теоретических позиций послужила причиной активного обсуждения философских проблем библиотеки одновременно в рамках Московской библиотечной ассоциации, где прошли «круглые столы», посвященные философским аспектам библиотековедения, на страницах журнала «Библиотекосведение», развернувшем дискуссию по данной проблеме, и на сегодняшнем «круглом столе», организованном Российской национальной библиотекой. Это свидетельствует о том, что проблема очень актуальна и открывшаяся дискуссия означает готовность приступить к ее решению.

Дискуссионной является правомерность самой постановки проблемы «библиотечной философии». В обществе сложилось представление о библиотечной деятельности как обслуживающей отрасли, а о библиотековедении

нии — как прикладной науке. Это представление укрепилось в сознании библиотечных работников. Поэтому библиотекари-практики, методисты, а порой и научные работники воспринимают сочетание слов «библиотека» и «философия» с долей иронии. Представители других наук претензии библиотечников на философию считают несколько завышенными, имея в виду все тот же ее прикладной характер.

Чтобы ответить на вопрос о правомерности существования понятия философии применительно к библиотеке, необходимо разобраться, что же такое философия вообще, так называемая специальная философия, и библиотечные ее аспекты.

Понятие «философия» определяется в словарях и философских энциклопедиях очень многоаспектно. Подчеркивается, что это особая форма общественного сознания, особый способ познавательной деятельности в форме понятий, дающих представление о сущности явлений. Философия — это учение (совокупность теоретических положений) о всеобщих принципах бытия и познания. Философия также — наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, т.е. наука наук. Изучая наиболее общие законы и закономерности всех вещей и явлений, она является методологией для других наук. Кроме того, на философию возлагается изучение мировоззренческих, ценностных, идеологических, нравственно-эстетических аспектов, поскольку философия — это обобщенная система взглядов на мир и место в нем человека.

Аспекты, изучаемые общей философией, преломляются в так называемых частных философиях. Поэтому определение «библиотечной философии» должно быть также многоаспектным. Чтобы понять, что же такое «библиотечная философия» и имеет ли она право на существование, необходимо обратиться к другим частным философиям. Общеизвестны такие направления философии как философия права, философия культуры, философия истории, философия науки, то есть социальные сферы бытия. Существуют также философия жизни, философия человека.

Названные понятия вошли в философские словари, имеют свои определения. Таким образом, философского осмысления требуют наиболее сложные социальные явления, нуждающиеся в соотнесении с общими закономерностями бытия и познания, особого подхода с осмыслению их проблем. Относятся ли библиотечные проблемы к тем, которые требуют философского исследования?

Все зависит от того, как рассматривать библиотеку. Если библиотека — просто учреждение, предоставляющее во временное пользование общественные документы, то в самой этой деятельности трудно усмотреть какие-то философские аспекты. Если же рассматривать библиотеку как социальный институт, особую сферу человеческого разума, закрепленного и отраженного в документах, сохраняемых и передаваемых из поколения в поколение особыми учреждениями, являющимися средством, условием существования этого социального института, то проблемы развития этого

социального института становятся в разряд важнейших общечеловеческих проблем. В этом случае философия библиотеки имеет право на существование, как и философия культуры, истории, права и т.д. Поэтому, когда мы говорим о библиотечной философии, правомерно вести речь не о философии библиотечного дела и не о философии библиотековедения, а о философии библиотеки, как социального института. Подобное терминологическое уточнение необходимо для того, чтобы внести ясность, что имеется в виду, когда говорят о библиотечной философии.

Что же такое философия библиотеки? Каково самое общее определение этого понятия? Поскольку понятие еще не сформировано, необходимо обратиться к опыту разработки подобных понятий в других направлениях философии. Философия культуры определяется как раздел философии, исследующий сущность и значение культуры, философия права — это наука о наиболее общих теоретико-мировоззренческих проблемах правоведения и государственоведения, философская антропология — это учение о природе (сущности) человека. Таким образом, частные философии в основном решают методологические, общетеоретические, мировоззренческие проблемы изучаемого объекта.

Говоря о философии библиотеки, следует помнить, что философия — способ общественного сознания, предполагающий особое философское мышление. Философское мышление — это мышление на уровне понятий, категорий, на уровне поиска сущностей исследуемых явлений. Оно требует подготовки, навыка абстрагирования, способности от чувственного созерцания, представления, образа перейти к понятиям. Выработка настоящих научных понятий и оперирование ими затрудняется желанием обыденного сознания соотносить понятие с реальным образом, соответствующим ему. С точки зрения Гегеля «трудность состоит, с одной стороны, в неспособности, а эта неспособность есть только отсутствие привычки — мыслить абстрактно, т.е. фиксировать чистые мысли и двигаться в них» (Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. I, Наука логики. — М.: Мысль, 1974. — С. 87). В построении библиотечных понятий используется именно философских способ мышления, что свидетельствует о высоком уровне науки, прошедшей стадию накопления и обобщения эмпирических знаний.

Выработка научных библиотечных понятий началась еще в прошлом веке. Наблюдались периоды всплеска теоретической мысли, проявившиеся в форме дискуссий о предмете, объекте, сущности, функциях, социальном назначении библиотеки. Повторяющиеся на разных стадиях развития науки дискуссии способствовали выработке понятий, ставших общепризнанными и зафиксированных в терминологических словарях и ГОСТах. Они являются базой для дальнейших исследований библиотеки с более глубоких философских позиций.

Выработка понятий предшествует и готовит почву для формирования библиотечных категорий. Потребность в философии библиотеки — это отражение потребности в наиболее обобщающих библиотечных категориях,

недостаток которых ощущается очень остро. Библиотечные категории только начинают складываться, т.к. библиотековедение как наука достаточно молодая. К настоящему времени разработана такая категория как «библиографическая информация», она выведена из закона единства и борьбы противоположностей и отражает единство противоположностей таких явлений как документ и потребитель информации, где библиографическая информация выступает в качестве средства снятия этого противоречия. С использованием философского закона была выстроена теория библиографической информации О.П. Коршунова, которая оказалась необыкновенно стройной.

Впоследствии библиотековедение пополнилось такими категориями как «библиотечный фонд», (*Ю.Н. Столяров, В.И. Терешин*), «библиотечное обслуживание» (*М.Я. Дворкина*) и др., имеющими методологическое значение для библиотечной науки. Им посвящены отдельные монографии и учебники. Все это способствует разработке теории библиотеки, ее основных положений, законов, закономерностей, что составляет главный предмет философии библиотеки.

Одним из важных аспектов философии библиотеки является осмысление ее места в мире, роли в обществе, социального назначения. Профессиональная рефлексия необходима не только для самой науки, но и для общества в целом, поскольку помогает выработке такого отношения к библиотеке, которое соответствует ее роли в обществе.

Свидетельством тому, что общество не осознает значения библиотеки для его социального прогресса, является остаточный принцип финансирования, являющийся причиной ее нищенского существования. Необходимы глубокие исследования, рассматривающие библиотеку в ряду других социальных и культурных ценностей человечества, которые важно представить в форме научных монографий.

Библиотечная философия призвана изменить взгляды общества на библиотеку. Поэтому она едва ли менее важна для практики, чем разработка конкретных финансовых, кадровых, ресурсных, технологических проблем.

Рассматривая мировоззренческо-ценностный аспект философии библиотеки, необходимо особо подчеркнуть важность в настоящий момент выработки профессиональных библиотечных ценностей. Профессиональная идеология — один из аспектов проблемы ценностей в библиотеке, которая только начинает разрабатываться. Повышение роли ценностно-ориентационной функции в библиотеке в период всеобщей информатизации потребует в ближайшее время пристального внимания к этой проблеме.

Философия библиотеки заимствует законы и закономерности общей философии. Такое заимствование правомерно.

С другой стороны философия библиотеки, на мой взгляд, обладает столь значительным потенциалом и широким полем деятельности, что ее категории могут впоследствии стать общеполитическими категориями, ведь многие философские категории, прежде чем стать таковыми, разрабатываются в рамках отраслевой науки. Такова судьба категорий «система», «информа-

ция» и др. Именно в рамках философии библиотеки может разрабатываться категория «социальная память».

Рассматривая библиотеку как память человечества, библиотековеды берут только один аспект социальной памяти — документный. А она может быть и генетическая, и интуитивная, и какая-либо другая, еще не известная науке. Такое предположение является, конечно, слишком смелым и не известно, сможет ли оправдаться. Но общая философия, если и не заимствует пока разработки философии библиотеки, то активно использует такое изобретение человеческого разума, как библиотека. Являясь хранилищем интеллектуального потенциала, формой отражения общественного сознания, зафиксированного в документах, библиотека выступает средством философии. В документах зафиксированы и этапы познания, и сам процесс развития сознания, формулирования понятий. Поэтому библиотека вполне может выступать средством философского познания мира.

Вопрос о правомерности существования философии библиотеки имеет однозначно положительный ответ. Разработка этого направления общественно важна. Она может развиваться как одно из направлений библиотековедения или как самостоятельная дисциплина.

Б.В.Марков

На мой взгляд, возникло несколько ключевых вопросов, и мы можем потратить на их обсуждение один час. Большой интерес представляет вопрос о понимании самой философии библиотечного дела. И здесь у авторов совмещались странным образом две позиции. Я имею в виду понимание философии как ценностно-ориентирующей дисциплины, как идеологии в таком хорошем смысле слова, а не как сознания, как набора идей, определяющих и руководящих.

С другой стороны, в целом ряде выступлений речь шла о том, что есть как бы скрытое философское содержание в библиотечных технологиях. И тогда философия, по-видимому, могла пониматься как гносеология, то есть как рефлексия, анализ скрытых предпосылок, в том числе и ценностных.

Вообще говоря, не одно инструментальное действие, так сказать техническое, без интереса не проводится, то есть интересы стоят как бы за спиной познания, за спиной любой технологии. Выявление таких предпосылок может составлять микрофилософскую работу. Мне кажется, что это может быть одной из тем.

Целый ряд интересных проблем возникал, на мой взгляд, в связи с пространственными и временными понятиями цивилизационного воздействия библиотеки на общество, о культуре и цивилизации вообще. Поэтому я предлагаю собравшимся выступить по поводу тех актуальных вопросов, которые были подняты в первой половине нашего заседания. Пожалуйста, кто желает взять слово?

В.Д.Стельмах

ЧЬИ ЦЕННОСТИ БИБЛИОТЕКА ТРАНСЛИРУЕТ?

Должна сказать, что я не философ и не обладаю даром теоретического мышления. Я — социолог, я — эмпирик. Я занимаюсь фактами реального читательского поведения, которое мы рассматриваем как определенную форму социального поведения, за которым стоят очень жесткие ценностные структуры, ценностные установки и культурные каноны. Возникает вопрос, на который, мне кажется, мы должны дать четкий ответ, иначе запутаемся. Выслушав целый ряд мнений и замечаний, у меня возникло ощущение, что я перестаю понимать то, что, мне казалось, я хорошо понимаю, поэтому я хочу с вами поделиться своими соображениями.

Возникает вопрос: чьи ценности библиотека транслирует? Чьи это установки? Кто задает эти каноны? Мы начинаем сразу оперировать весьма обобщенными, я бы сказала, даже отвлеченными понятиями: «общество», «нация», «народ», «страна», «этнос», даже при этом не подозревая, что переходя на этот уровень анализа, начиная работать вот с такого рода абсолютно теоретическими конструкциями, мы сразу закрываем себе возможность методологической рефлексии, социологического анализа. Мы никогда не найдем ответа на вопрос: что же такое идеология библиотечного дела. Социологические подразделения, которые работают в сфере библиотечного дела, довольно мощные (я говорю для людей не из библиотечной среды), например, в Петербурге, в РНБ. Накоплен колоссальный эмпирический материал, и, тем не менее, социологии библиотечного дела пока не существует как дисциплины со своей системой понятий, со своим категориальным аппаратом, со своей способностью интерпретировать данные. Тот вопрос, который возникал в первой половине семинара и на который мы пока не даем друг другу ответа, заключается в том: чьи же это ценности? И возникают идеи, которые для меня кажутся сомнительными.

Допустим, что библиотеки должны сами создавать свою собственную профессиональную идеологию, определять идеологическую рамку для своей деятельности. Эти вещи абсолютно невозможны, потому что библиотеки не принадлежат к группе элит. Понятию «элита» даются разные толкования. Когда я употребляю это слово, то имею в виду очень простые вещи. Я имею в виду группы, которые занимают ведущее положение в социальной и культурной иерархии общества и вырабатывают все ценности, которые затем предлагают обществу, как некий универсальный алгоритм жизнедеятельности самого общества. В этом отношении библиотекари никогда к этим группам не принадлежали и принадлежать не будут. Они всегда — трансляторы этических и тех нравственных ценностных канон, которые задают группы элит.

На «круглом столе» по философии библиотечного дела, который проходил недавно в Москве (им руководила М.Я.Дворкина), было очень интерес-

ное замечание, что библиотека — это театр времени. Имеется в виду, конечно, культурное время. Библиотека может играть со временем, библиотекарь легким движением руки с помощью изменения классификации, системы расстановки фондов может сдвигать целые культурные и литературные пласты. Он может спрессовать это время, он может его перемещать, но что касается ценностного поля, то ничего подобного не происходит, это абсолютно не открытое пространство. Поле смыслов? Да, конечно, оно бесконечно. В ценностном же поле игры и подвижки, вмешательство в структуры, привнесение туда собственных наших профессиональных ценностей весьма ограничены, поскольку они блокируются теми структурами, которые именно с помощью механизма этой блокировки сохраняют ценностное ядро данного сообщества в конкретный момент. Это как бы охрана, предотвращение деструктивных процессов, которые проистекают. Это вещи, которые всегда блокируются.

В этом отношении библиотечная профессиональная идеология, о которой мы здесь говорим, всегда будет вторична. Она всегда будет являться отражением тех ценностных структур и тех культурных норм, которые вырабатывают другие группы элиты. Извините меня, но я работаю сейчас сознательно грубо, чтобы было достаточно просто и понятно. Сейчас, по истечении десятилетия, нам стало понятно, что в советское время существовали как бы две группы элит, которые создавали, в том числе библиотекам, эту самую идеологию, этот ценностный алгоритм.

С одной стороны, советская партийная государственная элита. Не будем лукавить и говорить, что мы эти ценности оставляли, что мы их не принимали. Вопрос заключается в другом. Библиотека была покорным ретранслятором именно этих ценностей, именно они определяли ее идеологию. Другое дело, что они часто входили в противоречие с собственно профессиональными нормами, с ценностями образования, просвещения, которые библиотека унаследовала от российской интеллигенции, поэтому эта группа библиотечных работников всегда была напряженной группой. Поле, в котором действовала библиотека, всегда было зоной определенного социального напряжения, но, тем не менее, эти ценности определяли библиотечную идеологию.

С другой стороны, группа нашей гуманитарной интеллигенции исповедовала идеи образования, культа знаний, книги, литературы, высокой миссии писателя, даже сакральной миссии писателя. Поэт в России значит больше, чем на Западе, отсюда высокий престиж книги и библиотеки. В те времена такой высокий престиж чтения, который неизменно возглавлял набор культурных приоритетов по всем данным, объяснялся тем, что помимо традиций были еще и реалии советского времени, когда литература вынуждена была брать на себя чужие, замещающие функции и восполнять то, что не было задано в информационной системе или в системах исторических, экономических или других институтов. Как писала при этом М. Чудакова: «Литература замещала собой все от науки до товара». Отсюда такая высокая престижность библиотеки, храмовой идеи библиотеки, которая засела прочно в

читательском сознании. Мы изучали «идею библиотеки». Что это такое? Храм мысли, знания, культуры, который выведен за рамки обыденности, не функционален, является демонстрацией эстетических и этических канонов, приоритетов, который устанавливает с помощью этих ритуалов жесткую дистанцию между, допустим, собственно храмом и прихожанином. Вот такая идея библиотеки существовала в сознании.

Что происходит сейчас? Советские группы, советская элита ушла со сцены. Гуманитарная интеллигенция потеряла свой рейтинг и престиж. Она ушла с культурной сцены. Я бы сказала, что она перестала быть элитой, которая определяет сегодня культурные и нравственные ориентиры общества. Процесс невероятно болезненный, и мы это наблюдаем, потому что расставаться с ролью пророка в своем отечестве — вещь тяжелая. Вы может быть вспомните «Момент истины» с Карауловым, когда он проводил интервью с Ф. Искандером. Караулов спрашивал его о том, что как же так, Вас читали, Ваши рукописи передавали, мы все жили этим, обсуждали, это составляло одну из важнейших частей нашей жизни. А теперь что? Читает Вас лишь часть читательской аудитории, неужели Вам не обидно это? Ф.Искандер, один из тех немногих писателей, кто понимает, что то, что происходит сейчас, естественно. Ну, и что, не читают. Бывают такие периоды в жизни общества, когда литература и писатель, по крайней мере в той своей старой роли, оказываются невостребованными. Это нормально. Это естественно. Так вот, мы сегодня хотим найти ответы на вопрос, что же такое библиотечная идеология и какой она сегодня должна быть. Нам нужно понять, какие элитарные группы вышли сегодня на авансцену и какие ценности они с собой принесут.

Был период, когда начался распад системы, рушились не только политические и экономические институты, но и вся система ценностей, которая скрепляет любое сообщество, задает определенное направление общественному развитию. Причем это было разрушение не только собственно ценностей советского режима, но и фундаментальных ценностей: труда, образования, знания, символов национальной идентичности. Тогда был момент, когда под ногами действительно начала ощущаться пустота. Причем этот разрушительный процесс опять-таки возглавила интеллигенция, та же наша гуманитарная интеллигенция, которая столь долго выполняла роль пророка и духовного лидера нации. Она сладострастно, я бы сказала, мазохистски, этим занималась. Тогда приходилось выступать и говорить, что «на пустом месте может поселиться только дьявол». И не случайно, что именно тогда наша профессиональная пресса запестрела паническими публикациями, высказываниями по поводу катастрофы культуры, книги, о необходимости какого-то выживания в этой среде, сохранения культуры и т.д.

Я считаю, что этот момент пройден, потому что на культурную социальную арену вышли новые группы, которые осознают себя, и, что очень важно, жестко начинают диктовать свои собственные нормы. Да, эти группы более традиционны, менее образованны. Их ценности достижительские,

инструментальные, функциональные, и нам это не нравится, по крайней мере многим из профессиональной библиотечной среды. Но это не важно, потому что эти группы не лучше и не хуже тех, которые были прежде. Эти группы совершенно другие. Они небольшие. Элитарные группы никогда не бывают большими. Мы видим их воздействие. Мы видим сегодняшнюю картину и чтения, и читательского спроса, и функционирования библиотек, и именно эти вещи дальше будут определять положенную в основу библиотечную идеологию.

Чтобы долго не задерживаться, может быть, завтра, когда мы будем говорить о чисто эмпирических вещах, связанных с чтением, я продемонстрирую уже на конкретном материале, как это сегодня выражается в чтении. Что такое библиотека, которая перестает быть храмом и становится мастерской на наших глазах? Мы не успеваем это отследить, осознать и воплотить в определенных концептуальных постулатах.

Поэтому мы ощущаем кризис идеологии, а на самом деле практики в библиотеке решают эти вещи очень оперативно. Что такое информатизация библиотеки, которая сейчас происходит на наших глазах и становится сегодня ключевым моментом библиотечной политики? Что такое изменение давно сложившейся структуры библиотек с появлением бизнес-клубов, клубов деловых людей и т.д.? Это не всегда платно. Это выражение опять-таки явления, которое произошло на наших глазах, смена культурной парадигмы, в защиту которой выступают вполне определенные группы. Что такое принцип, который сегодня становится главным в библиотечном деле, — ориентация на конкретное библиотечное сообщество, на местное сообщество, на читательские запросы, читательские интересы? Что такое изменение поведения читателей в библиотеке?

Мы сегодня спорим о том, что нужно библиотеке. Вот я случайно вошла в комнату, и там шел разговор о правилах пользования библиотекой: нужно ли в правила пользования записывать, что читателям запрещено в библиотеке пользоваться жвачкой. Это уже другое отношение к библиотеке. Уже библиотека — не храм. И оно рождается на наших глазах.

Наша задача заключается в том, чтобы это понять. Наша задача — рефлексия в одном конкретном направлении, потому что, если мы начнем понимать, кто такая сегодняшняя элита и какие ценности она с собой несет, что сегодня сменился блок универсальных ценностей, тогда, наверное, мы достаточно спокойно решим проблемы библиотечной идеологии и библиотечной концепции.

А. В. Соколов

Валерия Дмитриевна, я не понял, почему в книжном библиотечном деле невозможно формирование идей?

В. Д. Стельмах

Могут ли люди из библиотечной среды входить в элитарные группы? Конечно, ради бога.

А.В. Соколов

То есть может существовать своя профессиональная элита?

В.Д. Стельмах

Внутри группы — безусловно. Внутри библиотечной группы может существовать собственная профессиональная элита, которая пытается осмыслить все происходящее в библиотечном мире. Она здесь замечательно представлена, как мне кажется.

Б.В. Марков

Речь идет о том, что такая элита существует, но она дополняется другими, библиотекарь не должен снобистски относиться к этим как бы на обочине культуры вырастающим, например, молодежным субкультурам.

В.Д. Стельмах

Если работать с категорией библиотекарей, как профессиональной группой, то я не отношу её к категории группы элит. Внутри, конечно, существует своя элита, библиотековеды, которые занимаются разработкой концептуальных вещей и т.д. Внутри профессиональной группы они являются группой элит потому, что осваивают ценности и нормы, которые берут извне. Главное, чтобы они брали их извне, нельзя их вырывать из себя.

А.В. Соколов

Почему?

В.Д. Стельмах

Потому что то, что Вы говорите, Аркадий Васильевич, мы называем центристским подходом к миру, когда не библиотека вписана, встроена в мир, а когда мы вращаемся вокруг библиотеки. Это очень характерно для профессионального сознания, когда библиотека мыслится как центр вселенной, а все остальное, что может воздействовать на жизнь, менять ее, не учитывается. Ход мысли обратный.

А.В. Соколов

У библиотеки есть свой долг, своя ответственность, своя миссия.

В.Д. Стельмах.

Конечно. Одно другому совершенно не мешает.

С.С. Гусев

Я дополню. Мне показалась очень интересной мысль о том, что действительно приходят какие-то новые группы, начинающие определять идею. Этот вопрос может быть спорным. И мне кажется, что работники библиотеки, если не обязательно должны быть генераторами такого рода идей, то ведь есть такая важная функция как интерпретатор. Упомянутый сегодня Николай Федорович Федоров создавал кроме своих философских мыслей какой-то круг идей, который распространял среди тогдашней элиты. Да, он оказался генератором и для Соловьева, и для Льва Николаевича Толстого. То

есть ставить какую-то грань между кругами, которые приходят сегодня, и кругами традиционными, может быть, так жестко и не стоит.

Тем более, эти новые группы ориентированы на традиции как раз уже существующие, и иногда это принимает какие-то дикие формы. Я расскажу вам два случая. Однажды слушал у себя дома радио, и некий вальяжный голос, принадлежавший человеку, которого диктор представил как носителя новой науки нумерологии, говорил о том, что это не новая наука, а этим еще Пифагор занимался, один из семи мудрецов древности, очень был уважаем Александром Македонским, прошел с ним походы. Понимаете, с кем он спутал? Представляю моих студентов, которые по радио это слышат, а я им говорю, что Пифагор умер за столетие до рождения Македонского. Так ведь по радио говорили, значит, официальная точка зрения.

Вторая, не менее замечательная история. Опять-таки по радио идет конференция по тонким мирам. Ну, думаю, физики что-то придумали, вслушиваюсь, и опять-таки вальяжный голос говорит: «Наука сегодня с неизбежностью доказала существование тонких миров и, наконец, мы вернулись к тем прозрениям, которые уже в культуре были. Например, Пушкин был одним из адептов тонкого мира, и в доказательство цитируются стихи: «Есть вечный судия, он ждет, он не доступен...» Это академик-дианетик. Здесь очевидна ориентация на традиционные нормы: я хочу быть культурным. А на самом деле происходит размывание. Когда я, начиная кому-то рассказывать эту историю, натякаюсь на то, что с Лермонтовым этот текст как-то не соотносится, и говорю, что Пушкин написал стихотворение на смерть себя. Получается так. То есть эта грань, с одной стороны, есть, Вы правы. Я бы сказал, что эта идея очень интересна, но, с другой стороны, эти пересечения, где библиотека и работники библиотеки как некоторые интерпретаторы, организаторы, по-моему, продолжают играть свою роль. Другое дело, как конкретно это проявляется.

Б.В.Марков

Вы Аркадия Васильевича поддержали, а я бы Валерию Дмитриевну тоже поддержал. Есть ли альтернатива тому состоянию, о котором Вы говорите? Если вместо прежних мэтров их места займут академики странных академий с очень любопытными названиями. Такие мэтры вообще ничем не лучше старых держателей истины, права. Я имею в виду университетскую, академическую атмосферу. Это, кстати, против Вас работает, потому что Федоров не совсем официальную науку представлял.

С.С.Гусев

Он выступал генератором идей.

Б.В. Марков

Да. Но тогда идея мультикультурного сообщества, Вы считаете, провалена?

С.С.Гусев

Да, естественно.

Е. И. Ратникова

У меня несколько слов о том, что такое социология. Я представляю себе, что социология занимает важное место вообще в социальной политике нашего общества и в библиотечном деле тоже. Но она имеет свое специальное назначение. Оно заключается в том, чтобы рефлексировать о том, что происходит сейчас, рядом с нами. Есть как бы две существующие пары, непреходящие в принципе, и значит все это нарабатывается сегодня. Скажем, стратегия и тактика. Если рассматривать в рамках этих пар, то есть стратегия развития библиотечного дела и есть тактика, политика.

Если говорить о социологии, то она в основном работает на политику, на тактику, которую сегодня нужно реализовать. А в рамках стратегии — в основном концепции, идеи.

Мне кажется, что если говорить о философии, то нам надо здесь рассмотреть понятие этоса как содержание того непреходящего, того значимого, что проходит стержнем через многие концепции библиотеки, которые рассматривались еще в 20-е, 30-е гг. и сегодня.

Что же такое библиотека как социальный институт? Есть много разных формулировок основных социальных функций библиотеки, из которых сейчас можно выделить две: библиотека как информационный центр и библиотека как мемориальное учреждение, связанное с хранением социальной памяти. Но ведь можно найти более обобщающую формулировку, скажем так, библиотека как учреждение, которое способствует, содействует обращению информации или знаний в обществе, и тогда, мне кажется, мы найдем какое-то место, отталкиваясь от которого можно развивать дальнейшую идею, больше связанную с современностью.

В самом начале пришлось мне по духу обратиться к этосу. Может быть, нам стоит для себя освоить это понятие и применить к библиотечному делу, к библиотечной философии.

Б. В. Марков

Поскольку я тоже часто это слово употреблял, мне казалось, что здесь понятие этоса сливается, не выделяется то повседневное, актуальное и то непреходящее его качество, то есть сам этос формируется как попытка коммуникации вообще.

А. И. Каптерев

Я хотел бы здесь внести расслоение в классификацию Елены Ивановны. Мне кажется, что система может анализироваться как всеобщий уровень исторического типа и как уровень специфики конкретного общества. Сейчас как раз вместо информационного подхода ученые больше тяготеют к цивилизационному подходу, поэтому здесь мы можем сразу увидеть, где кончается социология и начинается философия. Хотя очень многие социологи затрагивают философские проблемы, а философы решают чисто социологические. Но, мне кажется, что уровень всеобщего — это как раз философский уровень, уровень исторического типа. Теоретическая социология и уровень конкрет-

ного в рамках конкретного общества — уже чисто социологическая работа. И без нее невозможны философские обобщения. Мне казалось бы важным сейчас говорить об изменении именно с точки зрения социологии, потому что мы входим в новое общество, получается, что уровень исторического типа всех нас объединяет в информационном обществе, целиком меняются социальные роли библиотеки как института, и многие функции тоже размываются. Можно сказать, что сам термин «публикация» уже не так строг, как был раньше.

Мне кажется, наоборот, все большую роль приобретает (я целиком согласен с Аркадием Васильевичем) именно профессиональная элита. Как бы вырастающая из профессиональной деятельности, она определяет будущее социального института, потому что можно говорить о социальных заказах, но я понимаю библиотеку не только как удовлетворяющую потребность элиты, но и отвечающую на проблемы, возникающие в массовой культуре.

Элитарная массовая культура — это как бы сосуд, который постоянно что-то берет в себя, что-то отторгает, и библиотека обслуживает интересы массовой культуры. Вот здесь очень многое зависит от профессиональной философии или профессиональной этики самих библиотекарей. В чем она выражается? Она выражается в отношении библиотекарей к обществу, к коллегам, к читателям, к прошлому, к будущему, т.е. без формирования такой профессиональной этики невозможно отзывать на запросы элит. Это будет просто механический ретранслятор, и фактически библиотекарь потеряет свою роль посредника. Тогда он будет как хранитель музея. Но проблема здесь, мне кажется, очень острая. Спасибо.

Р. С. Гиляревский

Я бы хотел продолжить мысль, которую высказала Валерия Дмитриевна. Дело все в том, что мы сейчас работаем в условиях, когда подавляющая часть библиотек — государственные, но ведь так будет не всегда.

Если быть оптимистичным и считать, что тот процесс преобразования общества, который происходит, будет происходить и дальше, независимо от того, какие политические события ждут нас в ближайшем времени, то совершенно ясно, что у нас будет все больше частных библиотек, партийных. Нас как бы учили, что вся информационная сфера, и тем более библиотеки и музеи, это в общем-то идеологическое оружие, и мы, будучи профессионалами, хорошо понимаем, как это делается, и чтобы там не говорить, вы не можете сделать тысячу выставок в год, вы можете сделать 12. Вы должны их выбрать и выбираете в соответствии с чем-то. Так и во всем другом. Вы можете карточки ставить и в таком порядке, и в другом, и ясно, что этот порядок из каких-то соображений выбирается.

Так мы еще забываем одну категорию, которая называется власть, которая крепко держала нас в руках и сейчас, просто в силу ряда обстоятельств (потому что пытается справиться со своими проблемами) нас выпустила, но

это ведь не будет вечно, они спохватятся, безусловно. Вот здесь, конечно, профессиональная этика очень важна. Скажем, за рубежом, в Америке, всегда декларировали, что они абсолютно аполитичны, и мы хорошо показывали на примерах, как это происходило в действительности. Я не думаю, что нам нужна такая этика. Что же мы будем обманывать себя и других? Но в нашем сообществе все-таки, конечно, какие-то этические нормы должны быть и должен быть какой-то предел того, на что библиотекарь может пойти. Что заставляет нас работать дальше? Будем смотреть.

М. И. Акилина

По поводу идеи, что библиотекари только трансляторы и не являются элитой, которая послужила причиной для дискуссии. Ведь в библиотеку поступает не вся информация, и библиотека собирает не всю информацию. Чтобы определить, является ли эта информация социально ценной или не является, нужно провести опрос. Кто выполнял эту роль оценщика ранее, когда в библиотеку поступали не только печатные издания? Существовала определенная группа социальных институтов, которая рецензировала, редактировала и т.д. Библиотекарь был отстранен от того момента, когда определялась ценность информации.

Сегодня роль библиотеки несколько иная, потому что организовывая весь массив, поступающий в сети, его надо кому-то оценивать.

Сейчас западные библиотековеды роль оценки, систематизации и упорядочивания этого массива берут на себя. Допустим, электронные публикации, которые сейчас входят в Internet, лишены защиты. Автора должен кто-то оценить. Но кто? Чья эта роль? Может быть, предоставлять научному работнику тот материал, который бы его заинтересовал? Кто это должен делать? Библиотекарь? Поэтому, когда мы говорим, что библиотекарь — это ретранслятор, то, мне кажется, здесь могут быть разные точки зрения. Просто в информационном обществе роль библиотекаря меняется и оценочная функция становится одной из важнейших, приоритетной, определяющей функцией библиотекаря.

Н. В. Могилевер

(кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки).

А кто библиотекаря подсказет, какие у него должны быть критерии, чтобы делать этот выбор? Из чего он должен исходить?

М. И. Акилина

Есть все-таки ценности, выработанные человечеством веками. Эти ценности библиотекарь берет готовыми. Кто должен производить отбор? Вероятно, сообщество библиотекарей, какая-то группа, опять та же библиотечная элита, о которой мы говорим. В общем-то вопрос не простой.

Р. С. Гиляревский

Даже среди нас — часть людей верующих, а часть нет. И совершенно ясно,

что если каждый из нас будет отбирать, исходя из своих предпочтений, то уже и библиотеки не будет.

М.Я.Дворкина

Дело в том, что на самом деле нам общество задает те ценности, которые мы в какой-то мере используем при отборе. Но мне кажется, что библиотека должна искать другие способы организации материалов, не ценностные (исходя, может быть, из содержания), и другие способы, чтобы не допускать произвола. Я хочу сказать, что работала много лет в научно-технических библиотеках, а когда пришла преподавать в библиотечный институт, вдруг обнаружила, что есть «руководство чтением». Когда я училась, этой теории не было, и поэтому, когда я стала работать, естественно, ее не знала, но мне было известно одно — я должна выдавать читателю книгу и информацию во что бы то ни стало. Я попыталась понять, что же такое действительно «руководство чтением», и поняла, как оно понимается, почему возникло. Действительно, издательская политика определяется кем-то, значит в библиотеку попадают определенные книги, но библиотекари в технических библиотеках, я по своему большому, многолетнему опыту могу сказать, до последних лет не занимались этим. В других библиотеках было больше воздействия той самой партийной элиты, которая давила. Библиотека должна, мне кажется, выработать другие критерии отбора. Одним из таких критериев является временной аспект, мне о нем потом придется говорить, но это один из очень важных критериев. Отбор по времени, по году издания, по времени поступления и т.д., не затрагивающий тот аспект, который может привести к негативным последствиям. Я не хочу сказать, что здесь нет продолжения, но это, мне кажется, то, о чем стоит все-таки задуматься на будущее.

(Окончание в следующем номере).

БИБЛИОТЕЧНЫЙ АСПЕКТ «СОВЕТИЗАЦИИ» НАУКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

*(размышления после международной конференции в г.Халле
(Германия) в мае 1996 г.)*

Борис Федорович Володин —

*заведующий Научно-исследовательским отделом
библиотековедения Российской Национальной Библиотеки,
кандидат педагогических наук; автор многих публикаций.*

1. ФОРУМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕК

В нашей стране библиотеки в целом, в том числе и научные библиотеки традиционно являются объектом изучения преимущественно, образно говоря «домашней науки — библиотековедения. Это чревато определенными последствиями. Ведь не случайно на протяжении многих лет при разработке и реализации крупных государственных программ по информатизации общества даже не упоминалось слово «библиотека».

Сегодня то же самое наблюдается и в других документах государственной значимости, например, в тех, в которых содержатся решения проблем региональной культурной политики. Но с другой стороны, проблемы библиотек вообще не рассматриваются на встречах специалистов, изучающих различные сферы общественной жизни и поэтому за пределами узкоцеховых встреч никто не слышит голосов библиотечных работников.

Проходившая с 15 по 17 мая 1996 г. в немецком городе Халле международная научная конференция под названием «Халле-форум 1996. Наука и власть» была одной из немногих общенаучных встреч, в работе которых участвовали и представители библиотечного мира.[С1]

Организаторы конференции — Федеральный центр политического образования в Бонне и Центр современной истории Университета Ганновера, и, прежде всего, ее главные руководители — вице-президент центра в Бонне Вольфганг Арнольд и профессор Университета в Ганновере д-р Манфред Хайнеманн поставили перед собой задачу организовать и провести встречу ученых стран Восточной Европы — бывших стран социалистического лагеря, с их коллегами из стран Западной Европы и Северной Америки с целью изучения самой сути процесса «советизации» научных учреждений, научных дисциплин и научных программ в Восточной Европе после Октябрьской революции.

В подготовке и проведении конференции принимали также участие ряд научных учреждений Германии, прежде всего, это Немецкая Академия естествоиспытателей, известная в научном мире под названием Леопольдина. Именно там, в Большом зале проходили первый и третий день работы конференции.

Леопольдина является своего рода символом единства немецкой науки. Ведь и во время ГДР она оставалась островком в «красном море», так как в течение всего периода существования ГДР, ее работа была сориентирована на ученых, работающих в области естествознания и развитие контактов в обеих частях Германии.

Другими партнерами стали Институт исследования Германии при Рурском университете в Бохуме, Институт Гердера в Марбурге и Центр изучения современной истории в Потсдаме. Спонсором Конференции стал Федеральный центр политического образования.

Формулируя задачу конференции, вице-президент Федерального центра политического образования В.Арнольд подчеркнул, что его организация поддерживает не науку в целом, а определенные важные общественно-политические инициативы.

В данном случае речь идет об инициативе, главным результатом которой рассматривается не подготовка публикаций (хотя доклады предполагается опубликовать), а попытка найти еще один путь к выходу Европы из кольца бесконечных войн.

Десоветизация науки — тоже шаг на пути к мирному развитию. А это, заметим, включает в себя и демилитаризацию науки, ибо не случайно, как отмечали многие участники конференции, для советизированной науки характерна была соответствующая военизированная терминология типа понятия «фронт науки».

В первый и третий дни, как было указано, проходили заседания секций или форумов. Первое заседание было посвящено теме «Красная революция» в науке и в Академии наук». На втором заседании рассматривалась тема «Советизация наук после смерти Сталина». Третье имело название «Особый случай: биология и генетика», а четвертое: «Советизация гуманитарных и социальных наук, педагогики и школы». И, наконец, на заключительном пятом заседании были сделаны сообщения по теме «Высшие школы во времена постсталинской эры».

Особый блок докладов был заслушан участниками конференции на открытом заседании — во второй день конференции, — проходившем в помещении другого известного научного центра — «Фонда Франке»

(Frankesche Stiftungen). На вечернем заседании этого же дня проходила открытая дискуссия на тему «Советизация, самосоветизация и десоветизация».

На конференции, где в целом было прочитано более 60 докладов, проводились дискуссии и круглые столы. Там собрались представители России и Украины, Венгрии, Польши, Румынии и Чехии, Германии, Канады и США. От России было приглашено 18 ученых, в том числе 11 из Москвы и 7 из Петербурга.

Основной круг участников конференции из Петербурга составили сотрудники Института истории естествознания и техники РАН, подготовившие интересные и оригинальные по форме доклады, среди которых особенно

хотелось бы выделить три — «Попытки советизации биологии: дело ленинградских марксистов, 1930-1933 гг.» Эдуарда Колчинского, «Российская Академия наук и цензура: 1917-1927 гг.» Михаила Конашова и «Сладкие плоды победы. Сталинская наука и II мировая война» Николая Кременцова.

Вопросы библиотечного дела, за исключением одного доклада и возникшей после его прочтения дискуссии, специально не рассматривались. И число самих библиотечных работников было более чем скромным (кроме автора статьи в работе конференции принимал участие директор Библиотеки Будапештского университета Ласло Шеги, но он в своем выступлении не затрагивал библиотечных проблем).

Но, приглашая специалиста-библиотековеда, организаторы конференции исходили из предпосылки, что научная библиотека является одним из важнейших учреждений, определяющих возможности работы ученого, в какой бы области он ни работал. Соответственно, если исходить из того, что в тоталитарном обществе изменяется отношение к науке, к самому процессу ее развития, то изменяется и роль научной библиотеки. И если говорить о путях, по которым шло развитие науки в бывших странах социализма, и, следовательно, говорить о «советизации» науки, то необходимо принять во внимание, что одним из главных инструментов «советизации» науки становится научная библиотека. Поэтому в программу конференции на тему о судьбе науки был включен доклад автора данной статьи — «Советизация научных библиотек в Советской России и духовное сопротивление этому процессу».

Материал доклада подразделен на четыре части. В первой шла речь о предпосылках изучения темы, в том числе о понимании автором самого феномена «советизация» как процесса переориентации уже сложившегося в обществе института на идейные ценности тоталитарного общества.

Во второй части была рассмотрена взаимозависимость процесса развития науки в Советской России и процесса развития научной библиотеки. Было показано, как по мере изменений в научной политике государства менялась и научная библиотека.

Из других аспектов взаимодействия научной библиотеки с обществом был особо выделен вопрос о влиянии начавших утверждаться в 1930-х гг. командных методов управления на развитие научной библиотеки. Этот вопрос был рассмотрен в третьем разделе.

И, наконец, в четвертом разделе была предпринята попытка охарактеризовать особенности внутреннего духовного сопротивления, что, несомненно, имело место, в профессиональной библиотечной среде, основной задачей которого было стремление сохранить преемственность в работе научной библиотеки с предшествующими поколениями.

Но библиотечный аспект присутствовал не только в данном докладе. Доклады участников и проведенные дискуссии позволяют связать с библиотечным делом целый ряд аспектов. Один из них — состояние фонда современной научной литературы, появившейся в тоталитарных странах, возмож-

ности его использования для удовлетворения профессиональных и общеразовательных потребностей современных читателей. То, что значительная часть книг, которые находятся сегодня в распоряжении тех, кто учится, кто обращается к библиотечным документам в связи с профессиональной деятельностью, были подготовлены и изданы в условиях тоталитарного режима, означает, что использование этих текстов представляет определенные трудности.

Выступая после одного из наиболее интересных докладов — ученого из Венгрии Тибора Хусара (*Институт социологии Будапештского университета*), в котором был раскрыт механизм советизации Венгерской Академии наук в первые социалистические годы, М.Хайнеманн особо подчеркнул, что тексты научных работ, созданных при тоталитарном режиме, вообще нельзя воспринимать как тексты в их обычном понимании.

Читатель обязательно должен привлекать свое воображение для того, чтобы представить, что же на самом деле имел в виду автор текста, каковы были его истинные взгляды. А это совсем непростое искусство, и этому искусству М.Хайнеманн обучает своих студентов в Университете Ганновера.

Предметом тестирования являются, например, документы нацистской Германии. В частности, студент должен самостоятельно прийти к выводу, что один из предложенных для анализа документов является по сути фальшивкой. Информация, содержащаяся в документах, появившихся в тоталитарных странах, требует учета взаимосвязи с конкретным событием, конкретной датой, возможных влияний, не зафиксированных документально. Например, влияние по телефону, что исключает или, по крайней мере, снижает возможность неверных толкований.

Нельзя не вспомнить при этом, что именно опасность неточных толкований поджидает пользователя сборников различного рода официальных документов, в том числе и по истории библиотечного дела, которые выглядят особенно информативными, хорошо подобранными и систематизированными.

Наиболее же интересными для определения состояния современных научных библиотек в посттоталитарном обществе представляются доклады, посвященные истокам «советизации» науки в СССР, экспорту «советизации» в странах народной демократии, проявлением самосоветизации в науке, и, наконец, процессам духовного сопротивления советизации.

2. СОВЕТИЗАЦИЯ — САМОСОВЕТИЗАЦИЯ — ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ

В докладах ученых из республик бывшего СССР — России и Украины, как и в докладах коллег из западных стран, занимающихся проблемами истории бывшего СССР, были многоаспектно раскрыты как общие для всех наук изменения процесса развития науки в условиях ее «советизации», так и в

особенности развития конкретных направлений научной деятельности.

Общая картина позволяет сделать вывод, что с первых лет советской власти наука оказалась заложницей политики. Новое руководство в своем стремлении сохранить власть прилагало все усилия, чтобы создать политическую концепцию развития страны, к обоснованию и реализации которой нужно было привлечь и науку.

Как известно, эта задача была решена при помощи плана ГОЭЛРО, а в связи с этим на первом этапе развития советского общества ведущей силой общества стал инженер. В одном из наиболее значимых докладов конференции, которым завершился чрезвычайно насыщенный первый день ее работы, в выступлении Юрия Воронкова (*Институт истории естествознания и техники РАН, Москва*) было убедительно доказано то, что в советском обществе на первый план был выдвинут приоритет техники и технических наук не случайно.

Особенно драматичной оказалась судьба гуманитарных наук, которые новой власти стали ненужными. И не в последнюю очередь, это было связано с тем, что традиционная гуманитарная наука — это не мифотворчество, необходимое новой власти.

Итак, после того, как провалились и ленинская, и сталинская модели коммунизма, возникла потребность «теоретического» обоснования этапов развития советского государства и «научного» анализа исторических событий. Естественно, что для этой работы, то есть для разработки теоретических основ военного коммунизма, а также социализма нужна была принципиально иная наука.

Как показал автор другого, не менее яркого доклада Станислав Кульчицкий (*Институт истории Украины АН Украины*) исторические документы, которые не соответствовали новым мифам, не случайно либо прятали в спецхранах, либо уничтожали.

Формально в СССР гуманитарные науки не перестали существовать, но на деле изменились и сфера их распространения, и их содержание. В большинстве же случаев на их месте появились новые науки — общественные, а по сути «псевдонауки», которые и стали решать новые задачи. А для того, чтобы стало возможным решать новые задачи, был создан изошренный до мельчайших деталей механизм морального и физического уничтожения подлинных ученых.

Наиболее драматичными по содержанию были выступления ученых Украины. Юрий Шаповал (*Институт этнических и политических исследований Национальной АН Украины*) в докладе «М.Грушевский и коммунистическая историческая наука в 1920-е гг. в поле зрения ГПУ и НКВД» раскрыл неповторимую индивидуальность украинского академика и обрисовал его трагическую судьбу.

А в докладе другого представителя Руслана Перита (*Центральный архив общественных организаций Украины*) было показано, насколько значительный урон был нанесен украинской науке, что выразилось особенно

ярко в ликвидации после 1917 г. университетов, которые лишь после 1932 г. были восстановлены, но уже в советском варианте. По этой причине возможности преемственности в развитии науки на Украине были минимальными.

После окончания Второй мировой войны опыт «советизации» наук оказался «востребован» в ряде восточноевропейских стран, так называемых стран восточной демократии.

Так, в Польше примером советизации стало закрытие вскоре после «победы народного строя» Академии наук в Кракове. В 1951 г. здесь начали создавать новую Академию наук по советскому образцу. При этом работа по ее созданию и руководство ею соответственно были возложены на чиновников, ранее занимавшихся рыбным хозяйством.

По мнению Петра Хюбнера (*Комитет по научным исследованиям в Варшаве*), в Польше наиболее опасной для развития науки была тенденция к фактическому уничтожению академических гуманитарных наук в годы советизации.

Так, в Польше перед Второй мировой войной имелось более 70 тысяч разного рода ассоциаций. В новой Польше началась не только ликвидация старых структур, но и всеобщая «национализация» ученых, в результате которой они должны были работать под контролем государства. Наряду с гуманитарными науками появились, как и СССР, общественные «псевдонауки». Вместо индивидуума эти науки стали изучать общество масс. Вместо социологии появился исторический материализм. К тому же, как и в СССР, начались репрессии по отношению к ученым.

В ГДР наиболее советизированной оказалась педагогика. Не случайно этот аспект рассматривался в докладах немецких ученых, из ряда которых особо хотелось бы выделить выступление Сильвии Мебус (*Дрезден*), раскрывшей особенности этого процесса на примере Педагогического института в Дрездене.

Доклады участников конференции и их обсуждение показали, что процесс советизации нельзя рассматривать в отрыве от другого процесса — самосоветизации. Заметим, что сам термин, введенный в научный оборот М.Хайнеманном по отношению к Восточной Германии, означает, что за основу берется советский опыт, но при этом сторонники его применения идут еще дальше.

Так, примером самосоветизации Кай Хафез (*Институт востоковедения в Гамбурге*) считает применение опыта советизации науки в области востоковедения ГДР. По его мнению, тогда как в СССР эта область научных знаний отличалась особой глубиной, а сама наука была живой, в ГДР она обрела черты догматизма, что объясняется стремлением связать развитие востоковедения с соблюдением политических интересов ГДР на Ближнем Востоке.

Однако ни в одной из стран Восточной Европы советизации в ее чистом виде никогда не было. Это подчеркивалось и убедительно доказывалось в ходе особой дискуссии на тему «Советизация, самосоветизация и десоветизация».

На Конференции приводилось множество фактов, подтверждающих наличие активного противодействия влиянию «советизации», анализировались оригинальные решения, которые рождались в научной среде стран Восточной Европы. Особое внимание уделялось ГДР, которая, несмотря на самое сильное влияние «старшего брата», развивалась во многих случаях вопреки советским рецептам. Так, иной была структура высшей школы, что вызывало со стороны СССР порой весьма резкую критику. Нельзя не заметить и то, насколько ярким было развитие библиотечного дела в Восточной Германии.

Иначе развивались в ГДР научные исследования в области гуманитарных наук. Историки обращались к советским образцам нередко лишь тогда, когда надо было проявить лояльность и выйти из сложной ситуации, которая могла возникнуть из-за особой позиции СЕПГ.

Активное стремление противостоять слепой советизации, усвоению коммунистических догм проявилась уже в первые годы существования ГДР. Особенно заметной фигурой можно считать Эрнста Блоха, который призывал осмысливать советский опыт критически и идти сквозь догму. Он же активно критиковал СССР за террор времен сталинизма. Особенно сильно он протестовал в середине 1953 г., но поскольку он был реальной кандидатурой на пост президента страны, то стал объектом наиболее агрессивной критики. В действие вступили механизмы тоталитарного государства. Блоха обвинили в том, что он не марксист. Затем последовал запрет на публикации его работ. И, наконец, он был предан забвению.

Доклад «Дело: Эрнст Блох», подготовленный и прочитанный Анной Сабиной Эрнст и Гервином Клиггером, стал одним из наиболее значимых событий форума.

В целом, особенностью советизации в ГДР было то, что здесь она не затрагивала порой содержания какой-либо из наук, что было характерно, например, для естествознания.

Советизация проявилась в большей степени в другом — в кадровой политике, то есть в том, кто допускался в научную среду, что стало особенно сильно проявляться после третьей реформы высшей школы в 1968-1970 гг. Но и здесь необходимо учитывать, что в науке ГДР не было разрушено то основное, что привело бы к изменению самих представлений о науке — а именно: не была разрушена связь между исследованием и преподаванием.

Формы проявления духовного сопротивления советизации в каждой из стран коммунистического блока были различными. И там, где возможности активного сопротивления, а, следовательно, сохранения преемственности в развитии науки, в продолжении развития традиций были максимальными, сохранилась и реальная основа для развития науки в соответствии с ее реальными потребностями.

Наиболее ярко это выразилось в Польше, где Варшавский и Краковский университеты стали своего рода островками свободомыслия. Как показал в своем докладе Ежи Халберштадт (*Музей Варшавского университета*), в

Варшавском университете оказались усвоенными даже традиции подпольной работы этого университета в годы фашистской оккупации, ибо преподавателями оставались те же люди.

Работники этих университетов ориентировались не на активное сопротивление, например, путем проведения демонстраций, а на сопротивление пассивное. Что же касается общественных наук, то они стали просто присутствовать в университетах, но были лишь формой проявления лояльности коммунистическому правительству, равно как и сами партийные организации.

Процесс приостановления активной советизации и попытки возвращения к деятельности университетов в соответствии с классическими представлениями об их роли в Венгрии, «самом веселом бараке социалистического лагеря», как назвал страну сам докладчик, был рассмотрен Ласло Шеги. Он отметил, в частности, что студенты Венгрии знали немецкую историю намного лучше Университета им. Гумбольдта в Восточном Берлине.

А профессор *Балтиморского университета* Катрин Альбрехт многоаспектно рассмотрела особенности экономического образования в послевоенной Чехословакии. Она показала, что в этой стране была предпринята очень грамотная попытка адаптировать к своим условиям западный опыт и при этом использовать его, опираясь на теоретическую основу, что и определило особое место этой страны среди других социалистических стран.

В контексте развития науки в ряде стран Восточной Европы становилось очевидным то, что по отношению к российской науке процесс десоветизации находится лишь в начальной стадии.

Для того чтобы развиваться в соответствии с принятыми в мире нормами и говорить о возможностях взаимодействия между коллективами и отдельными учеными, необходима стабильность в развитии науки. Как заметил в одной из дискуссий профессор Хайнеманн, говорить о каких-то стандартах, о какой-то научной парадигме в условиях, когда все время ведутся переименования и реорганизации, весьма проблематично.

Среди наиболее тревожных акцентов докладов, прослушанных на конференции — обеспокоенность будущим науки России.

С этого по сути и началась конференция, ибо выступая на предварительной встрече участников конференции накануне ее официального открытия, профессор Хайнеманн сказал, что сегодня он, приезжая в Россию, знает, к кому, к какому специалисту по какому вопросу можно обратиться. Но при этом он не менее отчетливо знает и видит, что смены работающим ныне специалистам нет.

Во время одной из дискуссий ученым России и Украины был задан вопрос, есть ли в этих странах теоретическая основа для описания духовного сопротивления в области науки в СССР. После того как был поставлен этот вопрос, возникла длительная пауза, которую нарушила реплика директора *Института украинских исследований при Гарвардском университете* Джорджа Грабовича: «Ответа нет».

3. ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ?

Конференция показала, что на первом этапе «социалистического строительства» наука в восточноевропейских странах подвергалась сильной «советизации». Это отразилось, прежде всего, на развитии гуманитарных наук. При этом наблюдалась тенденция к «самосоветизации», т. е. к еще большей советизации уже на добровольной основе, к «творческому» использованию советского опыта.

Но постепенно духовное сопротивление в обществе оказалось настолько сильным, что в одних случаях удалось значительно ослабить влияние советизации, а в других — сделать его минимальным. В силу этого исходные возможности десоветизации российской науки и науки большинства европейских стран бывшего социалистического лагеря принципиально различны.

А это в свою очередь означает, что принципиально разными являются и возможности пользователей научных библиотек, ибо в разных странах под названием «научная библиотека» функционируют весьма отличные друг от друга учреждения.

Обычно развитие научной библиотеки идет в тесной взаимосвязи с развитием научной политики в стране, в контексте тех изменений, которые происходят во взглядах на роль науки, на ее структуру, на возможности осуществления научных исследований, и, наконец, ее развитие зависит от самого понимания природы научного исследования.

Для Советской России наиболее серьезными и наиболее разрушительными оказались процессы уничтожения именно гуманитарных наук и активного развития так называемых общественных наук, методология которых рассматривалась в одном ряду с методологией естественных дисциплин и техники.

В целом под названием «научная библиотека» было заложено уже принципиально иное учреждение — с иным отношением к преобладанию в политике комплектования фондов, с иным пониманием задач по представлению своим читателям возможностей этими фондами пользоваться, и даже с иной системой обслуживания специалистов, что продолжает влиять на характер развития этих библиотек и сегодня, и проявляться особенно отчетливо в работе крупных универсальных научных библиотек.

Духовное сопротивление, которое сохранялось в профессиональной библиотечной среде, несмотря даже на репрессии, позволило сохранить определенные традиции, но степень этого сопротивления находилась в зависимости от объективных общественных условий.

Многие отличия российской научной библиотеки от аналогичных библиотек других бывших социалистических стран и даже некоторых бывших союзных республик как бы видны на поверхности.

Так, несложно объяснить, почему в российских библиотеках «фронталь-

но» внедрена система ББК, а в Эстонии нет, хотя ее внедрение было обязательным и здесь.

Причины этого — в стремлении эстонских библиотечных работников сохранить совместимость своих каталогов с каталогами библиотек других стран мира, ибо именно поэтому столь «тщательно» и «основательно» годами переводились таблицы ББК на эстонский язык. Здесь налицо активное духовное сопротивление.

Значительно сложнее понять и объяснить сами концептуальные, мировоззренческие отличия российской научной библиотеки от библиотек мира.

То, что в новом здании Национальной библиотеки в Варшаве существует два главных читальных зала — гуманитарной и негуманитарной литературы, а в новом здании Российской национальной библиотеки этих залов значительно больше, невозможно объяснить лишь с точки зрения профессиональных представлений.

Причина того, что в отечественных крупных универсальных научных библиотеках историка и филолога обслуживают в разных читальных залах, кроется в природе самой науки, в ее понимании в советском обществе, которое остается малоизмененным и в обществе постсоветском.

Сегодня бывшие социалистические страны активно расстаются со своим тоталитарным прошлым. Их научные библиотеки вписались и вписываются в новые условия развития науки и развиваются в соответствии с принятыми в научном мире традициями.

Природа же отличий научных библиотек в России проявляется не только в специфике советизации библиотек «в отдельно взятой стране». Она находится в тесной зависимости от того состояния, в котором находится наука в России.

Тем временем сложившаяся в советское время научная библиотека, в свою очередь, влияет на развитие самой науки.

Дорогие читатели!

*В жизни нам часто остается только предполагать,
а располагают все-таки обстоятельства.*

*Это касается и частоты выхода нашего журнала.
Хотелось бы сократить промежутки между номерами,
но уж раз это не в наших силах,
попробуем сделать их максимально содержательными.*

*Продолжая основную линию рубрики — ставку на профессионализм,
мы публикуем в данном номере «школьно-постановочную» статью
по все еще самой актуальной теме —
«выбор библиотечной автоматизированной системы»
и информационное сообщение о 3-й Международной конференции
«Крым-96» «Библиотека и ассоциации в меняющемся мире:
новые технологии и новые формы сотрудничества»,
проходившей 1-9 июня в Форосе.*

*Хочу напомнить, что со всеми вопросами,
предложениями и пожеланиями,
касающимися рубрики, лучше всего обращаться
по электронной почте:
magazin@lib.aia.spb.ru
или по тел. (812) 110-6224 с 17 до 19 часов.*

КРИТЕРИИ ВЫБОРА БИБЛИОТЕЧНОЙ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ

Валерий Юрьевич Григорьев

*— кандидат технических наук, генеральный директор
Информационно-библиотечного центра «Библиотечная
Компьютерная Сеть».*

Все проводимые опросы, анкеты и просто разговоры за жизнь свидетельствуют об одном — по-прежнему и для «начинающих» и для уже набивших массу шишек библиотек вопрос №1 — это вопрос выбора библиотечной компьютерной системы. Более того, если первые неудачные эксперименты с приобретением программ на волне «всеобщего внедрения компьютеров в библиотеки» еще можно было списать на этап проб и ошибок, то сейчас никакого оправдания за «незнание закона» уже не будет. Это касается прежде всего сокращающегося финансирования, и в самом деле — кому охота выделять

деньги на одно и то же по несколько раз. Но не стоит сбрасывать со счетов и моральный ущерб библиотекарей при каждой смене программы. У кого-то просто пропало желание начинать все сначала. Народная мудрость снова права — «семь раз отмерь — один отрежь».

Но как отмерить? Проблема в том, что обычные рекомендации специалистов, как правило, сводятся к очень краткому обзору известных им конкретных систем с оценкой по принципу «нравится — не нравится». Причем на оценку часто больше влияют личная симпатия и дружеские отношения, чем деловая сторона. К чему приводит такой подход, можно посмотреть практически в каждой второй библиотеке города, если не чаще. Но тогда, как же выбирать, на что обращать внимание в первую очередь? Давайте попробуем разобраться.

Выбор библиотечной компьютерной системы должен складываться из двух одинаково важных составляющих: *функциональность* системы в широком смысле и *фирма-разработчик*.

Начнем с простейшего — *разработчик*.

У нас этот фактор на практике совсем не принимается в расчет. И совершенно напрасно. Предоставляемые разработчиком услуги в плане поддержки, обучения, практического сопровождения, становятся все более важными по мере продолжающегося роста сложности систем. Опытная фирма поможет решить самый главный вопрос — наметить стратегию и тактику вашей компьютеризации. Очень неплохо иметь полный перечень библиотек, работающих с той или иной фирмой. Он уже сам по себе многое скажет об уровне системы и разработчика. Но самое главное — убедиться, что в этих библиотеках действительно ведется *комплексная практическая работа*. Потому что, во-первых, демонстрационные версии программ всегда хорошо работают, а во-вторых, еще очень многие библиотеки не ушли дальше ввода своих новых поступлений.

Очень значимыми являются сведения о самом разработчике. За рубежом работу с библиотеками ведут фирмы, только этим (компьютеризацией библиотек) и занимающиеся. Они не совмещают свою деятельность, скажем, с оптовой продажей стирального порошка.

Совершенно обязательным является комплексный системный подход к процессу компьютеризации библиотеки, и поэтому фирма помимо программистов должна иметь специалистов по сетевой интеграции и машиночитаемой каталогизации.

В своей работе нам часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда библиотекой сначала как-то приобретаются (или ей выделяются) какие-то компьютеры. Потом в лучшем случае, из того что было, собирается какая-то сеть (не дай бог одноранговая). И, наконец, где-то в третьем месте берется какой-то программный пакет. А потом ... Потом что-то работает не так или вообще не работает, и все пошло на следующий круг.

Попробую дать один скучный совет: если весь процесс перевода на рельсы новых информационных технологий — составление проекта разви-

тия (да-да, путь начинается еще до покупки первого компьютера!), приобретение техники, установка сети, установка собственно библиотечной системы, обучение, дальнейшее сопровождение — находится в одних руках, то это *гарантирует* успешную работу.

В качестве практического примера могу привести библиотеку Санкт-Петербургского университета. В силу ряда обстоятельств комплексная компьютеризация главной библиотеки — Научной им. Горького — оказалась невозможной. Акцент был перенесен на библиотеки факультетов — Юридического, Экономического, .. И что же там? В январе 1996 года в библиотеке юридического факультета был ОДИН компьютер АТ-286. В январе 1997 года библиотека будет выдавать книги читателям через считывание штриховых кодов в электронные каталоги (я уже не говорю о мелочах типа электронной книги суммарного учета и других).

Безусловно, здесь велика роль личности, и без заместителя декана Специального юридического факультета Михаила Валентиновича Кротова и заместителя директора библиотеки им. Горького Татьяны Анатольевны Лигун (*р.т. 218-95-46*), и, конечно, без самих библиотекарей мало что получилось бы. И все-таки это настолько яркий и не совсем характерный для нашего времени пример, когда мысли и идеи воплощаются в практическую реализацию, что я попросил Татьяну Анатольевну поделиться опытом со всеми читателями. Материал должен появиться в следующем номере.

Теперь о наиболее сложном — функциональных возможностях библиотечной системы, то есть — может ли она делать то, что вы от нее хотите, и *что же вы должны* от нее *хотеть*.

При оценке любой системы желательнее учесть три фактора: общие вопросы, собственно функциональность программы и ценовые параметры.

К общим вопросам эксперты обычно относят следующее:

- история создания системы;
- доступные модули;
- СУБД;
- операционная система;
- формат записей;
- пользовательский интерфейс;
- возможности библиотечной настройки;
- система помощи.

Кратко рассмотрим перечисленные пункты.

Под *историей создания системы* понимается продолжительность работы разработчиков над программным продуктом, количество предыдущих версий, успешность их эксплуатации.

Интересной является информации о том, для кого разрабатывалась самая первая версия. Для нашей страны, например, обычным явлением стало приспособление для библиотек систем вообще не библиографической направленности. Справедливости ради следует заметить, что найдется не

много библиотекарей, откровенно признающих первому встречному, что эксплуатируемая у них система плохая. Зато если побеседовать с их коллегами, то уже можно рассчитывать на более достоверную информацию.

Несколько слов о *модулях*.

В библиотечной системе можно условно выделить 6 базовых модулей или частей. Это *электронный каталог*; *доступ к каталогу* пользователей, в том числе *удаленный* (это английская аббревиатура *OPAC*); *книговыдача*; *комплектование*; *сериалы*, частным случаем которых является функция подписки на периодические издания; *межбиблиотечный обмен*.

На начальном этапе вам скорее всего не понадобятся все перечисленные модули, однако вы должны быть уверены в том, что они есть в наличии или находятся в реальной разработке.

Это означает, что можно посмотреть хотя бы планируемый интерфейс пользователя.

СУБД или Система управления базами данных означает программные средства, которые используются для хранения ваших библиографических и других данных и для создания собственно программ. Выяснив у разработчика наименование использованной СУБД, желательно проконсультироваться у специалистов о ее возможностях. Прежде всего это касается количества записей, которое может поддерживать система без снижения своих качеств (скорость поиска, надежность, сетевая работа). Правда следует учесть, что современные мощные СУБД — Oracle, Informix, Sybase — стоят десятки тысяч долларов. И это еще не сами программы.

Говоря об *операционной системе*, следует вести речь не столько об операционной системе для одного компьютера — DOS, Windows 95, OS/2 или UNIX, сколько о библиотечной сети. Сегодня уже просто нельзя не ориентироваться на локальную сеть (сети). Настоящий единый каталог совершенно невозможен без сети. Поверьте пока на слово, что даже 3-4 компьютера, объединенные в сеть, дадут несравнимо большую отдачу, чем 8-10 отдельно стоящих персоналок.

Сетевое решение предполагает, что один из компьютеров выполняет роль официанта — сервера (Server), который может быть реализован одним из трех способов. Во-первых, это может быть мощный UNIX-сервер с мощной СУБД и почти любыми компьютерами для библиотекарей и читателей — безусловно хороший вариант. Но помимо очень высокой цены, он еще и требует достаточно серьезных навыков для эксплуатации. Во-вторых, это сервер приложений на базе Windows NT, с клиентскими (рабочими) станциями под Windows 95. Это средний вариант как по цене, так и по легкости эксплуатации, и что очень важно — он также, как и UNIXовый вариант, позволяет реализовать рабочую модель «клиент-сервер». Он становится все более популярным в западных библиотеках, и именно его можно рекомендовать как наиболее удачный вариант в сочетании «цена — удобство эксплуа-

тации — мощность», хотя все-таки не многие библиотеки Санкт-Петербурга имеют достаточные для этого финансы. И, наконец, знакомая многим сеть на базе файлового сервера Novell NetWare 4.1 или 3.12 без приобретения дорогостоящих баз данных под серверы приложений. Такой вариант может быть рекомендован как промежуточное решение при переходе от однопользовательской работы к мощным СУБД. Но (опять «НО!»), получите гарантию у разработчика на переносимость системы с одной компьютерной платформы на другую. Это означает, что у вас не появится внезапная головная боль при смене компьютерного парка.

О библиографическом формате на машиночитаемые записи говорилось уже достаточно много, в том числе мною же в прошлом номере. Поэтому коротко — вы *должны* работать на *MARC*. Какой из более десятка MARCов выбрать — решайте сами, лично мне кажется наиболее продуманным и подходящим формат Библиотеки Конгресса США — USMARC. В чем-то это дело вкуса, хотя на один не совсем очевидный момент стоит обратить внимание. Существует ряд библиотечных систем, вроде бы работающих на «марковских» стандартах. Это хорошо известный «МАРК» московской фирмы «Информ-Система» (не путайте со стандартами MARC) и система «Колибри», очень симпатичная программа библиотеки Консерватории. На сегодняшний день эти программы поддерживают лишь структуру форматов USMARC и UNIMARC соответственно. Для серьезной работы этого недостаточно — машинная каталогизация и электронная каталожная карточка — это две совершенно различные вещи. Требуйте от разработчиков, чтобы программа поддерживала MARC в полном объеме. Для справки, стандарт USMARC содержит около 100 полей и несколько сотен подполей. Такой подход заведомо снимет массу ваших естественных вопросов типа: «Куда заносить информацию о том, что это книга для дошкольников?» или «Как же мне найти книгу по заглавию на обложке?»

Пользовательский интерфейс, возможности библиотечной настройки и система помощи не являются такими фундаментальными моментами, как перечисленные выше. Однако на сегодняшний день они небезосновательно считаются такими же важными. Удобный интерфейс (система меню, экранов, списков и т.д.) и подробная контекстная подсказка являются неотъемлемой частью нормальной системы. Если с программой неудобно работать — виновата программа, а не пользователь. Еще более важную роль играет возможность настройки и администрирования системы. Вам должно быть позволено настраивать поисковые признаки, метки полей, изменять стиль и структуру выходных форм и т.д. Короче говоря, программа не должна являть собой закрытый «черный ящик». Хорошим стилем считается наличие в программе своего макроязыка (с достаточной документацией по применению) для создания своих форм. И уж, конечно, руководство пользователя не имеет право представлять собой текстовый файл на пару страниц или вообще отсутствовать.

Теперь собственно *о функциях* или возможностях, которые должна предоставлять библиотечная система. Я не возьму на себя смелость утверждать, что существует некий международный стандарт, однако шансы на успех любой системы в Европе или Америке будут снижаться обратно пропорционально тому, что она не умеет. Надеюсь, что указанные ниже функции достаточно понятны без комментариев, поэтому ограничусь их перечислением.

Все они сгруппированы по принадлежности к тем 6 модулям, о которых я говорил выше.

1. КАТАЛОГИЗАЦИЯ

1.1. ВВОД и РЕДАКТИРОВАНИЕ ЗАПИСЕЙ

- возможность создания новых записей в режиме реального времени с использованием шаблонов, меток и названий полей;
- возможность для библиотеки определять поля данных и виды экрана;
- возможность ввода записей в MARC-формате;
- возможность импорта записей (наличие системы конвертации);
- наличие проверки на дублетность и удобного создания новых копий;
- возможность изменения последовательности записи;
- возможность редактирования или изменения записи с минимальным обращением к клавиатуре;
- полноэкранный редактирование;
- возможность работы с различными типами материала (книги, сериалы, рукописи и т.д.);
- наличие проверки кодировочных полей на соответствие возможному диапазону (диапазон индикаторов, числовых полей, поля кодировочных данных);
- возможность работы с аналитикой;
- возможность показывать и выгружать (экспортировать) записи в MARC-формате, в независимости от внутреннего формата хранения информации;
- возможность легкого удаления и реиндексации записей.

2. АВТОРИТЕТНЫЙ КОНТРОЛЬ

- поддержка авторитетного файла в режиме реального времени при создании библиографических записей;
- для выбора рубрик показ работ, связанных с рубрикой;
- возможность добавления новых рубрик в авторитетный файл, в том числе автоматически;
- возможность создания ссылок «СМ.» и «СМ. ТАКЖЕ»;
- возможность определения библиотекой полей для авторитетного контроля;
- возможность работы с тезаурусами.

1.3. ИМПОРТ ЗАПИСЕЙ

- возможность импорта записей из внешних баз данных и CD-ROMов непосредственно или через промежуточные файлы;
- генерация сообщений при дублетных записях или конфликтах на уровне авторитетного контроля (перезапись, пропуск или добавление).

2. ДОСТУП К КАТАЛОГУ

- возможность on-line доступа для персонала и читателей;
- возможность для библиотеки определения ключей для поиска и индексирования (поисковых полей, комбинаций и т.д.);
- обеспечение различных уровней интерфейса (в том числе самообучение, меню-ориентированный поиск);
- возможность более интеллектуального поиска для персонала библиотеки;
- обеспечение поиска по ключевому слову или фразе;
- непосредственный показ записи, если найдена только одна;
- показ статуса или копии информации через минимальное количество экранов; доступ для сотрудников к более детальной информации, которая недоступна для публики (информации о должниках, ограничениях или заказах);
- показ индекса, если ничего не найдено;
- возможность просмотра назад и вперед по индексу, списку найденных записей или каталогу;
- использование Булевых выражений OR, AND, NOT

- (подразумеваемых и/или явных);
- усечение поисковых терминов (подразумеваемых и/или явных);
- возможность осуществления ограниченных поисков (только в пределах одного библиографического уровня, даты);
- показ или автоматический поиск по перекрестным ссылкам;
- возможность поиска связанных работ;
- показ образов (рисунков);
- маршрутизация в другие системы;
- доступ к общественной (социальной) информации — о фирмах, организациях и т.д.

2.1. УДАЛЕННЫЙ ДОСТУП (OPAC)

- графический пользовательский интерфейс;
- многоязыковая диалоговая поддержка;
- возможность самообслуживания (выдача, перерегистрация, изготовление списка литературы, заказ для неанонимного пользователя);
- возможность для размещения межбиблиотечного заказа;
- возможность показа информации о задолженности (с контролем секретности);
- производство OPAC на CD-ROM.

2.2. ВЫХОДНЫЕ КОПИИ

- возможность получения различных видов печатных бюллетеней;
- возможность сортировки информации в выходных формах.

3. КНИГОВЫДАЧА

3.1. ОБЩИЕ ПАРАМЕТРЫ

- возможность создания категории изданий и должников, системы штрафов: срок возврата по типу издания (книга, журнал и т.д.); по типу материала; штрафы и ограничения продления и т.д.;
- заказы: срок заказа; срок до отмены заказа;

- календарь (дни и часы работы библиотеки);
- определяемая библиотекой частота и текст уведомлений.

3.2. ВЫДАЧА

- быстрый и точный ввод читателя и номера книги путем штрихового считывания или ввода с клавиатуры;
- проверка читателя: незарегистрированный, просроченный;
- доступ из каталога книг в читательский формуляр;
- сообщения для читателей (например, книга пришла с выставки);
- проверка книги: есть ли в системе, заказана другим читателем, потерянная, просроченная;
- показ срока возврата книги; возможность его модификации;
- изменение записи на книгу и на читателя в реальном времени;

3.3. ВОЗВРАТ

- достаточность ввода только номера издания для быстрого возврата путем сканирования или ввода с клавиатуры;
- проверка книги на своевременность возврата и подсчет пени за просрочку;
- проверка книги на заказ с показом ожидающего читателя и генерацией примечания о ее доступности;
- проверка книги на существование в системе для создания записи;
- проверка книги на утерю или неправильное местонахождение с возможностью перемещения в фонд другого абонента;
- учет потерянных книг;
- изменение записи на книгу и на читателя в реальном времени.

3.4. ПЕРЕРЕГИСТРАЦИЯ

- возможность удаленной перерегистрации вводом номера с клавиатуры;
- проверка и читателя, и книги как при выдаче, так и в любой момент при необходимости: просрочена, зарезервирована, было уведомление о сдаче; исчерпан лимит перерегистраций;

- удержание пени за просрочку;
- расчет отдельных периодов перерегистрации по категориям читателей и книг;
- возможность создания непере регистрируемых категорий;
- возможность массовой перерегистрации изданий, в т.ч. всех книг читателя.

3.5. ШТРАФЫ

- расчет штрафов по категориям читателей и книг;
- исключение отдельных категорий читателей из штрафов;
- система наказаний, если штраф не заплачен;
- подсчет штрафов по дням или часам (при краткосрочной выдаче), учет при расчете нерабочих дней и времени открытия и закрытия библиотеки;
- возможность уплаты штрафов частично или полностью при возврате книги или непосредственно при обращении к функции «штрафы» (без обращения к формуляру читателя);
- максимальные штрафы по категориям книг и читателей;
- специальные штрафы за просрочку книгу после уведомления;
- возможность для подписных/членских взносов.

3.6. ЗАКАЗЫ (ЧИТАТЕЛЬСКИЕ)

- идентификация заказанного издания через поисковые клавиши или путем перемещения из каталога;
- идентификация читателя по номеру читательского билета;
- возможность размещения заказа на все (несколько) копии по абонентам, с автоматической отменой заказа на остальные копии при выполнении любой из них;
- возможность размещения заказа только на определенные типы материала или исключение определенных типов материалов из заказа;
- возможность размещения заказа на все копии без исключения, например, если все копии требуются для работы;
- показ других доступных копий в библиотеке, когда размещен заказ;
- очереди читателей при нескольких заказах на одно издание; возможность изменить порядок очереди;

- автоматическое сокращение срока выдачи, если существует очередь на книгу;
- генерирование примечаний для обзванивания с сокращением срока выдачи, при необходимости;
- погашение невостребованного заказа;
- погашение заказа, если он неудовлетворен;
- отмена заказа;
- задержка размещения заказа.

3.7. КРАТКОСРОЧНАЯ ВЫДАЧА

- возможность книговыдачи на час/ночь/выходные дни; блокировка выдач;
- возможность поддержки краткосрочной выдачи со статусом «временно выдан»;
- связи с курсами, читательскими листами и другой управленческой информацией.

3.8. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ ФАЙЛ

- доступность через систему для маршрутизации списков, заявок;
- способность удалять пользователей поодиночке или группами;
- определяемые библиотекой пользовательские поля;
- доступ к пользовательскому файлу через имя или номер.

3.9. СПРАВКИ

- доступ к записи читателя через имя или номер для детализации книги на руках: перерегистрирована, просрочена; детали штрафов; детали заказов;
- доступ к записи на издание по всем поисковым ключам для уточнения: копий, статуса выдачи — если выдана — детали выдачи, включая читателя; детали заказа на книгу.

3.10. УВЕДОМЛЕНИЯ

- генерирование уведомлений для: должников; штрафников; предупреждений; повесток; специальных уведомлений;
- определяемые библиотекой частота и текст уведомлений.

3.11. ОТЧЕТЫ И СТАТИСТИКА

- создание отчетов и справок, связанных с книговыдачей: выдачи, возвраты, продления по филиалам ежедневно, ежемесячно, ежеквартально, ежегодно;
- отдельная статистика по категориям читателей и книг;
- статистика, связанная со штрафами, заказами, просрочками и т.д.;
- возможность для другой, определяемой библиотекой, управленческой информации.

4. КОМПЛЕКТОВАНИЕ

4.1. ЗАКАЗ

- ввод данных с использованием шаблонов; использование умолчаний для сокращения ручного ввода; возможность для читателей ввести пожелание на заказ;
- предзаказный поиск и уведомление о дублетах; создание записи на заказ для дополнительной копии, используя существующую запись;
- возможность создания полной или сокращенной библиографической записи;
- доступ к авторитетным файлам на стадии заказа;
- возможность использования электронных планов издательств и книготоргующих организаций;
- возможность использования официальных номеров заказов;
- системно генерируемые дата и номер заказа;
- справочно хранимые данные о поставщике: имя, адрес и т.д., чтобы не вводить их полностью в каждый заказ;
- ввод поставщика, доступность файла поставщиков из заказа, для генерации полных данных по коду;
- возможность ввода новых поставщиков при создании заказа с автоматическим добавлением их в файл поставщиков;
- возможность ввода заказчика;
- подсчет стоимости заказа, включая скидки для библиотеки, если таковые существуют;
- ввод источника финансирования заказа, доступность файла фондов из заказа, для генерации полных данных по коду;
- генерация предупреждений, если фонд выдыхается;
- возможность для различных действий над заказом по типу заказа;

- электронная пересылка заказа, счета и т.д.;
- производство печатного заказа;
- учет срочных заказов;
- возможность генерации текста по умолчанию для поставщиков;
- свободные сообщения на заказах;
- возможность помещения отчета поставщика в запись на заказ;
- автоматическое занесение информации о снятии денег.

4.2. ПОЛУЧЕНИЕ

- просмотр записи по номеру;
- простое создание приходного документа с минимальным обращением к клавиатуре и автоматическое изменение статуса записи;
- возможность приходования многотомных копий на одном экране;
- системно генерируемая дата получения;
- возможность редактирования записи, например, при изменении цены, и перерасчета при необходимости;
- возможность для записи деталей накладной;
- автоматическое обновление информации о бюджете библиотеки после покупки;
- возможность добавления места нахождения и других данных на издание в каталог.

4.3. ЗАЯВКИ

- спецификация периода заявки поставщиком и модификация отдельных заказов;
- уведомление о просроченных изданиях для библиотеки;
- возможность ведения нескольких уровней заявок;
- определяемые библиотекой тексты заявок;
- возможность отмены заказа.

4.4. ВЕДЕНИЕ БЮДЖЕТА БИБЛИОТЕКИ НА КОМПЛЕКТОВАНИЕ

- возможность ведения различного количества источников финансирования;
- калькуляция сделок по покупке или продаже;

- возможность on-line доступа к информации о доступных средствах;
- возможность валютной конвертации.

4.5. СПРАВКИ

- возможность on-line справки по каталогу заказов об авторе, заглавии, количестве заказа и т.д. для детализации информации о заказе;
- индикация о статусе издания как заказанного при доступе к каталогу.

4.6. ОТЧЕТЫ И СТАТИСТИКА

- состояние книжного фонда;
- состояние бюджета;
- анализ качества работы поставщиков.

Функции по двум оставшимся модулям (*серийный контроль и межбиблиотечный обмен*) будут опубликованы в следующем номере, а сейчас несколько слов о **ценовых параметрах**. Как правило, если вам сразу называют цену программы и больше ничего не оговаривают — вам стоит задуматься. Цена всегда должна звучать «от ...». Почему?

Во-первых, любая серьезная система модульна, и вы в праве приобрести только часть модулей — узнайте минимальный набор.

Во-вторых, цена всегда явно или неявно зависит от количества пользователей и обычно меняется ступенчато.

В-третьих, хорошим тоном считается комплексное решение, поэтому разработчик может продавать систему вместе с компьютерами, СУБД, работой по установке сети и обучением персонала.

И наконец, в-четвертых, в цену может быть включена, а может быть, нет стоимость первого года сопровождения. Для комплексных заказов она составляет в среднем 15% стоимости заказа в год. Поэтому не стоит удивляться, когда видишь в западном каталоге цены порядка 1000000 \$. Это просто означает, что в цену включено все, в том числе несколько десятков компьютеров. Отдельно же по системе считается нормальной цена от 3 000\$ за модуль каталогизации + 1500\$ за остальные модули. Такая система действительно должна уметь многое, но чудес не бывает: «вложил 100 рублей — получил систему, умеющую что-то делать на 100 рублей; вложил 1 000000 рублей — получил систему, умеющую что-то делать уже на 1 000000 рублей».

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

Ольга Устинова,

заместитель директора по научной работе Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского

1-9 июня в Форосе проходила 3-я Международная конференция «Крым-96» «Библиотека и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества». В ней приняли участие более 600 человек из стран СНГ, Европы, США. Среди участников были представители библиотек и информационных фирм; книготорговых организаций и издательств; фирм, специализирующихся на разработке и продаже программных продуктов; учебных заведений, занимающихся подготовкой и переподготовкой библиотечных и информационных кадров.

В течение конференции работали 8 секций («Мировая информационная инфраструктура и межбиблиотечная кооперация», «Комплектование и сохранность библиотечных фондов», «Автоматизированные технологии и системы в библиотеках», «Онлайновые технологии и базы данных на CD-ROM в библиотеках», «МБА и служба доставки документов», «Бизнес-информация и информационный менеджмент», «Распространение и использование медицинской, фармацевтической и экологической информации», «Электронные издания»), ряд узкотематических семинаров и круглых столов, а также проходили презентации фирм, программных продуктов, изданий.

Представленные доклады были очень разнообразны по содержанию, но даже при узкотематической направленности так или иначе затрагивали вопрос создания единого информационного пространства в пределах города, региона, страны, а также выхода в глобальные информационные сети. Большое внимание было уделено федеральным программам и проектам. В первую очередь — это программа «ЛИБНЕТ», направленная на создание компьютерной библиотечной сети в России. Практическая работа по данной программе начата в 1995 г. под руководством межведомственного экспертного совета по проблемам информатизации библиотек России.

Для реализации этой программы были утверждены ряд проектов и начата работа по ним, также получившая освещение в многочисленных докладах.

1-й проект

— «Разработка концепции создания компьютерной сети библиотек России» — своей целью ставит разработку концептуальной, правовой и экономической основ создаваемой сети.

2-й проект

— «Создание национального машиночитаемого формата библиографических записей», цель которого — разработка национального стандарта

на представление библиографических записей в машиночитаемой форме на базе коммуникативного формата UNIMARC. Понимая насущную необходимость решения этого вопроса, работа в данном направлении в настоящее время активизируется.

3-й проект

— «Создание центра корпоративной каталогизации». В данный период завершается стадия концептуального проектирования.

4-й проект

— «Российские библиотеки в Internet» предусматривает подключение к качественным скоростным каналам связи 14 крупнейших библиотек России, Российской Книжной палаты и ГИВЦ Министерства культуры Российской Федерации. Министерством культуры предлагается также подключение региональных библиотек к сети Internet.

Активно обсуждался на конференции первый этап работы Российской национальной системы «Books in print», обеспечивающей сбор, накопление и предоставление информации о готовящихся к печати и находящихся в продаже книгах. К настоящему времени увидели свет 3 выпуска российского «Books in print» в электронном и печатном виде. Был также представлен интересный проект создания библиотечно-информационного и аналитического центра «Россия — США». Предполагаемое расположение центра — в США, спектр предоставляемых услуг для российских и американских пользователей должен стать достаточно широким — от поставки книг и периодических изданий до разнообразных информационных услуг. Обсуждались и ряд других проектов Федерального значения. Безусловно, решение этих и многих других вопросов малоэффективно без изучения накопленного зарубежного опыта, с освещением которого выступали коллеги из других стран.

Множество докладов было связано с постановкой и решением проблем регионального уровня. Так или иначе подчеркивалась необходимость кооперации, координации работ по освоению, использованию новых информационных технологий, совместному созданию баз данных, организации региональных центров, способных координировать данную работу.

Достаточно активно обсуждались такие общие для всех библиотек вопросы, как использование программных продуктов, их достоинства и недостатки; лингвистическое обеспечение ИПС; современные пользователи и их обучение; использование CD-ROM технологий в библиотеках и многие другие.

Хочется надеяться, что и 4-я Международная конференция «Крым-97» будет столь же разнообразна и интересна.

MORTUOS PLONGO. VIVOS VOCO ! *

София Геннадьевна Гладштейн —

*заведующая филиалом-библиотекой № 5 (Музей-библиотека
«Книги блокадного города») ЦБС Московского района.*

*Ответственный секретарь Ассоциации историков блокады
и битвы за Ленинград в годы II мировой войны*

Я не верю той любви к Отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем.

Н. Карамзин

В жизни нашего города произошло одно событие, не заметить которое нельзя. В библиотеке-филиале № 5 ЦБС Московского района открылся музей-библиотека «Книги блокадного города».

Великая Отечественная война продолжалась 1418 дней. Битва за Ленинград длилась 1127 дней. Блокадой отмечены 900 дней и ночей.

Вряд ли найдется в мировой истории подобный пример массового героизма, самоотверженности во имя своего города, своей Родины, какой проявили ленинградцы. Они выстояли, отстояли и спасли город, куда за все время его существования ни разу не ступала нога иностранного захватчика. Нравственно и духовно население города оказалось выше своих противников. В этом есть заслуга и скромных библиотекарей города.

Петербург-Петроград-Ленинград всегда был одним из крупнейших книжных центров страны. В 1941 году в Ленинграде и пригородах было 2011 библиотек с книжным фондом 49 470 000 экземпляров. В блокадном Ленинграде отношение к печатному слову, к книге, было особенное. Во время тяжелых боев на территории Пулковской обсерватории, астроном А.Н. Дейч 13 октября 1941 года ночью вынес в безопасное место ценные карты звездного неба, астрономические справочники, первопечатные издания до 1500 года.

Несмотря на голод, болезни, смерть, люди по-прежнему шли в Публичку, БАН, библиотеку Дома техники, районные библиотеки. Библиотеки стали центром духовной жизни горожан. Их роль в жизни блокадного города до сих пор в полной мере не исследована. Много статей посвящено Государственной Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Библиотеке Академии Наук, однако горожанину более близка районная библиотека.

* "Оплакиваю мертвых. Зову живых!" (лат.).

Надпись на колоколе Шафгаузенского собора в Швейцарии.

О районных библиотеках мы практически ничего не знаем, хотя уже в начале 1944 года на общегородской конференции библиотекарей массовых библиотек было предложено «собрать и обобщить весь опыт ленинградских массовых библиотек, полученный за период войны, т.е. создать историю ленинградской библиотеки за период войны...» Была даже попытка создать группу энтузиастов, но далее этого дело не пошло.

В настоящее время, создав музей-библиотеку, мы пытаемся в какой-то мере закрыть этот пробел.

К началу войны в Ленинграде и пригородах (Пушкин, Павловск, Стрельна, Петергоф, Кронштадт, Колпино) работали 52 массовые библиотеки, а их книжный фонд составлял 1 397 000 экземпляров. Каждая обслуживала в среднем 6000 читателей. Всю блокаду и войну были открыты для читателей 25 районных библиотек (по 1—2 в каждом районе города).

С первых же дней войны нормальная жизнь библиотек была нарушена. 3 библиотеки оказались на оккупированной врагом территории. Это 40 000 книг. Бомбами, снарядами и пожарами были разрушены библиотеки имени К.Е.Ворошилова и имени М.И.Калинина во Фрунзенском районе. В этих библиотеках погибла 371 000 книг. 12 библиотек пришлось законсервировать. Вообще библиотечная сеть города резко сократилась. В 1943 году после прорыва блокады осталась 1 016 библиотек всех типов с книжным фондом 36 436 000 экземпляров. Выбыли почти 1000 библиотек и около 13 млн. книг.

Часть библиотек была эвакуирована, часть пришлось законсервировать или ликвидировать, часть погибла в огне пожаров, от взрыва бомб и снарядов, а также была затоплена, часть погибла на территории, оккупированной врагом. Последнее особенно касается области, где свыше 60 районов оказались под пятой врага. Была сожжена Тихвинская библиотека, уничтожены Волховская и Гатчинская. В области погибло 1,5 млн. книг из общего фонда в 2 млн. экземпляров.

Резко, в 4—5 раз, упала посещаемость всех библиотек. Детские районные библиотеки потеряли многих читателей, так как ребята были вывезены из города, а оставшиеся сосредоточивались вокруг школьных библиотек. 39 городских школ не прерывали своей работы, а в 1942 году их уже стало 84.

В помещении библиотек периода войны и блокады на центральном месте висела сводка Совинформбюро, карта продвижения войск, картотека газетных и журнальных статей, газетные вырезки, посвященные важнейшим этапам битвы на фронтах, тематические выставки литературы в помощь овладению военно-техническими знаниями (стрелковое дело, противохимическая оборона, санитарное дело).

Огромную роль стали играть передвижки. Первые из них появились на оборонных работах Лужского рубежа, затем внутри города, вокзалов, в командах МПВО, в госпиталях, красных уголках домохозяйств. Большую

работу в госпиталях вели коллективы библиотек имени Л.Н.Толстого, имени А.С.Пушкина, имени Н.К.Крупской, имени В.Г.Белинского, имени 10-летия Октября, Центральная городская библиотека и другие.

Библиотекари не только приносили книги и устраивали выставки, читательские конференции, выступали с докладами, лекциями, беседами о прочитанном, но многие часы проводили у постели раненых, читая им книги, газеты, журналы или просто задушевно беседуя с ними. Только в Инфекционном госпитале сотрудники библиотеки имени В.Г.Белинского обслужили более 6000 человек и за год провели более 360 читок книг.

Когда возникла проблема профессиональной переподготовки воинов-инвалидов, библиотека организовала курсы строительного дела, а Октябрьская библиотека подбирала литературу по другим профессиям. Сотрудники библиотеки имени А.С.Пушкина и других организовывали ремонт белья раненых бойцов. Более 600 комплектов починили только «пушкинцы». Ряд библиотек организовывали учебные курсы самообразования раненых, а по инициативе Публичной библиотеки занимались помощью фронтовикам по розыску их родственников.

С наступлением морозов работа в библиотеках стала практически невозможной. Помещения не отапливались, стекла были выбиты осколками снарядов или взрывной волной и кое-как заколочены. Освещения не было. И библиотекари, стараясь быть ближе к читателю, перебрались в красные уголки жилых домов. Более 700 передвижек работало в домохозяйствах.

Как и все ленинградцы, библиотекари работали в невероятно тяжелых условиях: голодали, мерзли, страдали от артобстрелов и бомбежек. Многие шли на работу из дальних районов.

Что заставляло сотрудников Центральной городской библиотеки, пользуясь светом короткого зимнего дня, открывать дверь библиотеки и выдавать книги на тридцатиградусном морозе прямо на улице, сменяя друг друга каждый час? Что заставляло книгоношу библиотеки Октябрьского района садиться на промерзшей лестничной площадке жилого дома и работать с людьми, проходящими мимо? Что заставляло коллектив библиотеки имени В.Г.Белинского работать ежедневно при двадцатиградусном морозе и в полуразрушенном бомбами и снарядами помещении с вырванными оконными рамами? «Несмотря на это, мы своей библиотеки не закрывали, и как можно было ее закрыть, когда к нам приходили наши читатели и спрашивали: «Скажите, вы библиотеку не закроете?» — вспоминала заведующая библиотекой имени В.Г.Белинского Елизавета Ивановна Миронова, материалы о которой представлены в нашем музее.

Ни на один день не закрывалась в годы блокады библиотека им. 10-летия Октября в прифронтовом Московском районе (ныне Центральная районная библиотека). В мае 1944 года ей было вручено Красное Знамя победителя Всесоюзного соревнования среди городских библиотек, а ее сотрудники М.А.Туртыгина и Р.Д.Дмитриева были на-

граждены почетным званием «Отличник народного просвещения».

Смерть уносила тысячи жизней. Не обошла она и библиотекарей. Погибло 138 сотрудников Публичной библиотеки, 9 из 11 работников библиотеки имени А.С.Пушкина, в библиотеке имени В.Г.Белинского осталось двое...

А люди шли в библиотеку. Им нужна была книга. О силе книги писали А.С.Пушкин, А.И.Герцен, А.М.Горький. В осажденном Ленинграде книга спасала от страха смерти, часто — и от самой смерти.

Уникальная патетическая идея: сопротивление через искусство. Вот оценка группы читателей одной из библиотек: «Нам не забыть, как во время бесконечных дежурств мы стремились по тесным коридорам и лестницам завода к нашей библиотеке, как к путеводному огоньку; как собирались в ней и читали с трудом, при слабом свете произведения великих писателей, поэтов и художников; как делились друг с другом о прочитанном, или читали вслух, собравшись в кружок. В эти часы мы отдыхали душой, мы жили другой жизнью, далекой от ужасной действительности. Этот отдых давал нам силы для дальнейшей борьбы».

В формулярах читателей блокадной поры можно встретить В.Шекспира и А.Данте, И.С.Тургенева и М.Ю.Лермонтова, К.Симонова и И.Эренбурга. Читали много и серьезно. В библиотеку клуба имени Газа за Нарвской заставой недалеко от линии фронта пришел пожилой рабочий, чтобы разрешить спор с другом о Л.Толстом. Молодежь и подростки читали о героях В.Скотта, А.Дюма, Жюль Верна.

Стихи и проза А.Ахматовой, В.Инбер, Н.Тихонова, М.Дудина и многих других писателей, как сказал Вс.Вишневский, были «частью самой обороны Ленинграда».

С книгой и умирали. Скульптор Виктор Новиков вспоминает: «Я заболел и долго не вставал... Сильно тревожила мысль о Сергее. Решил его проведать при первой возможности. В доме, где прежде всегда был шум, детский смех, висела мертвая тишина. В углу комнаты на кровати я увидел Серегу, укрытого одеялами. Слабым голосом Серега произнес: «Знаешь, почитай мне «Тома Сойера», как Том снимает парик». Я нашел книгу и стал читать. Весь эпизод. До конца. Положил на колени книжку и хотел спросить, что еще почитать. Серега был мертв. На лице его застыла улыбка».

Были и другие читатели, и другие запросы: Из чего сделать свечи? Как самому сделать мыло? Как дольше сберечь тепло в комнате? Какие дикорастущие растения можно есть? Что можно использовать вместо йода и ваты?

Весной 1942 года и летом стало легче. Библиотекари стали приводить в порядок хозяйство, сушить на ветру книги. Одновременно решалась еще одна важная задача — велась пропаганда сельскохозяйственной литературы в помощь огороднику. Ведь все скверы города превратились в огород.

К зиме 1942/43 гг. библиотеки несколько окрепли. Заработал Коллектор массовых библиотек. В блокированном городе продолжали работать отделе-

ния Госполитиздата, Гослитиздата, Фабрика детской книги. Ими было издано более 1,5 тысяч наименований книг и брошюр, общим тиражом свыше 23 млн. экземпляров.

Спрос на книги был огромен. В 1943 году вышел однотомник В. Маяковского тиражом 300 тысяч экземпляров и весь разошелся в Ленинграде. Увидели свет «Мифы Древней Греции», «Пятнадцатилетний капитан» Ж. Верна, множество стихов, брошюры для всеобщего. Многое из того, что было создано в период блокады, навсегда вошло в историю отечественной литературы. Высокий художественный и эстетический уровень печатной продукции блокадного времени поддерживали такие известные художники, как А. Остроумова-Лебедева, В. Конашевич, А. Пахомов и др. По ряду причин эти издания оказались недолговечными.

Сегодня в нашем городе нет ни одного полного собрания книг, изданных в Ленинграде в дни войны. В Российской национальной библиотеке и Библиотеке Академии Наук, в музее Истории Санкт-Петербурга, в Центральном военно-морском музее представлена только незначительная часть изданий того времени. Основная их масса попала в частные коллекции. Но уходят из жизни свидетели и участники героической обороны Ленинграда, уходят из жизни коллекционеры-библиофилы, и, к величайшему сожалению, часто вслед за ними уходят и книги. Наш долг спасти их.

Сейчас фонд музея-библиотеки насчитывает 374 издания: книги, журналы, листовки, открытки, афиши, театральные программки. Например: сборник стихов В. Азарова «Ленинград», монография архитектора В. А. Каменского «Площадь декабристов в Ленинграде», книга М. Н. Никитина и П. И. Вагина «Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей» (документы из оккупированных районов и городов Ленинградской области), песенник «Русские народные песни» и другие.

Здесь вы увидите также фрагмент интерьера блокадной районной библиотеки: стеллаж, на котором среди довоенных изданий стоит выставка новых книг, каталожный шкаф на 12 ящиков, письменный стол, обитый коричневым гранитом, деревянные санки с газетой «Ленинградская правда» от 18 ноября 1942 года и другие предметы, типичные для работы и быта библиотечарей. На центральном пилоне развернута карта Ленинграда 1940 года с указанием месторасположения библиотек, работавших всю блокаду. В витринах — подлинные фотографии и документы того времени.

В музей-библиотеке фактически совмещены две темы: «Книга блокадного города» и «История библиотечного дела».

История библиотек — история города. Вокруг музея объединяются коллекционеры, уже передавшие в дар экспонаты и готовые дополнять основную коллекцию: А. В. Русских, В. В. Инчик, Ю. И. Колосов, С. А. Терещенко, А. П. Чирков. Музей с самого начала сотрудничает с учеными-историками, членами Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны. Прошли презентации написанных ими книг, а сами

книги с дарственными надписями стали основой нового раздела музея-библиотеки.

В библиотеке проводятся конференции, «круглые столы» с участием ученых, писателей.

Одно из таких мероприятий состоялось в мае 1996 года и было посвящено теме «Традиции и духовная жизнь библиотек блокадного города». Историки, ветераны, блокадники, библиотекари, коллекционеры и читатели обменялись воспоминаниями, впечатлениями, мнениями о прошлом и настоящем. Вспомнили слова В.Шкловского: «Библиотеки — это лаборатории, в которых проектируется мир». Такой лабораторией становится молодой музей-библиотека. Участие в работе «круглого стола» преподавателей Академии культуры и Библиотечного техникума Санкт-Петербурга позволяет надеяться, что студенты и библиотечные работники включатся в интереснейший краеведческий поиск наравне с учеными-историками, что на базе музея-библиотеки «Книги блокадного города» смогут работать студенты и преподаватели гуманитарных учебных заведений. Первый опыт уже есть. В мае в музее прошло занятие студентов исторического факультета Ленинградского областного педагогического института.

Vivos voco.

Мы надеемся, что со временем нам удастся сделать музей-библиотеку местом, где собраны по-возможности все печатные издания блокадного Ленинграда, литература о них, а также материалы по истории библиотек нашего города.

Было бы слишком самонадеянно заявлять, что посетив музей-библиотеку «Книги блокадного города», человек сразу становится лучше; но мы точно знаем, что побывав у нас на экскурсии, люди начинают воспринимать многое по-другому.

Приходите — и Вы почувствуете это сами.

Во втором номере «Петербургской библиотечной школы» мы предлагаем читателям статью, посвященную публичным библиотекам, самой многочисленной группе библиотек в любой стране. «Как библиотеки могут быть полезны стране: 12 путей к цели» — это подарок редакции журнала «Американские библиотеки» своим подписчикам. «12 путей» сформулированы коллективно, и отражают общую политику Американской Библиотечной Ассоциации в отношении публичных библиотек. Существуя на деньги граждан страны, последние позволяют осуществлять принципы всеобщего бесплатного доступа к знанию и информации, способствуют интеллектуальному росту тех, кто не имеет средств для получения образования. Сегодня социальная миссия американских публичных библиотек дополнена государственной программой, обеспечивающей возможность использования ресурсов Интернет каждым жителем страны. Как справедливо утверждают авторы, публичные библиотеки способны совершенствовать жизнь людей всех возрастов и социальных групп, сохранять историю городов и районов, нести в общество высокие моральные ценности и уважение к знанию.

*Ирина Клим,
ведущая рубрики
«Наши переводы»*

КАК БИБЛИОТЕКИ МОГУТ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫ СТРАНЕ: 12 ПУТЕЙ К ЦЕЛИ *

1...ИНФОРМИРОВАТЬ ГРАЖДАН

Демократия и библиотеки взаимосвязаны. Невозможно иметь одно без другого. Демократия возлагает на людей огромную власть. Библиотеки помогают демократии работать, предоставляя доступ к информации, так что граждане могут принимать решения, необходимые для управления обществом. Библиотеки делают знания и идеи доступными всем, невзирая на возраст, расу, вероисповедание, пол, благосостояние. Библиотеки предоставляют информацию, которая помогает проводить в обществе цивилизованные дискуссии, что укрепляет гражданское общество.

Публичная библиотека — единственный институт в американском обществе, цель которого противостоять тирании невежества и конформизма. Их существование показывает, как демократия ценит знание, истину, справедливость, книги, культуру.

* 12 Ways Libraries Are Goods for the Country
// American Libraries.1995.December. P.1113-1119.

Артур В. Хэфнер и Дженнифер Стерлинг-Фолкнер в книге «Демократия и публичная библиотека: основные положения» утверждают: «Публичная библиотека — мера того, какое значение демократия придает тому, чтобы эти ценности были доступны всем.»

»Публичная информация — это информация, принадлежащая людям и доверенная правительству», — утверждается в Заявлении о Федеральной политике Национальной Комиссии по библиотекам и информационной науке.

Библиотеки обязаны распространять информацию, а правительство обязано публиковать ее. Без демократии библиотеки не могут предлагать свободный доступ к знаниям и идеям. Без библиотек истинная демократия не может существовать.

2...РАЗРУШАТЬ БАРЬЕРЫ

Библиотеки избавляют нас от барьеров, которые ограничивают наше понимание и нашу способность общаться и развивать себя. Они предоставляют программы обучения грамотности для семей с низким уровнем образования, для неграмотных, для неанглоязычных. 6000 систем публичных библиотек имеют в штате хотя бы одного специалиста, обучающего грамоте.

Кроме того, сотни библиотекарей в Америке ведут вне стен библиотек программы, которые способствуют обучению граждан, подготовке для них методических учебных материалов.

Библиотекари обслуживают пожилых людей, которые не могут выйти из дома, заключенных и другие особые категории граждан (бездомных, слепых, глухих).

Ди Грегори, участник программы для слепых и других инвалидов в библиотеке Филадельфии, сказал: «В библиотеке никто не видит тебя в инвалидной коляске. Просто еще кто-то пришел, чтобы достигнуть своей цели». Проекты содействия обучению семей в сельской местности в Техасе, Оклахоме, Луизиане и Нью-Мексико — «образцы общественного сотрудничества для обучения грамоте и помощи семьям объединяться и преуспевать» — говорит Мэтти Нельсон, директор Офиса обучения и выездной работы Американской Библиотечной Ассоциации. Другие программы обучения «служат без ограничений в этой стране каждому слою или группе населения». Эти необходимые программы должны быть поддержаны и расширены, если наша страна хочет иметь образованное и объединенное население.

3... ВЫРАВНИВАТЬ ПОЛЕ

Экономисты отмечают растущее неравенство доходов в Америке с углубляющейся год от года пропастью между самыми богатыми и самыми бедными гражданами. Делая все свои ресурсы равно доступными всем членам общества, невзирая на уровень дохода, класс или другие факторы, библиотека выравнивает игровое поле.

Раз пользователи имеют доступ к библиотечным материалам, они могут выровнять свои возможности вне библиотеки, благодаря самообразованию, получению работы или началу своего дела.

Содействие библиотеки в изучении английского новыми эмигрантами помогает им обрести те же возможности, которыми обладают граждане страны.

Писатель Джозеф Вамбах говорит, что, когда он был мальчиком, книги в его публичной библиотеке «освободили его от тяжелой, ограниченной фабричной жизни и позволили ему возвыситься».

Так как все больше информации доступно только с помощью электронных средств, роль библиотек в предоставлении доступа к информации становится еще более значительной.

В соответствии с последним обзором Ассоциации публичных библиотек, почти 30% от их числа предлагают пользователям доступ в INTERNET, предлагая им вход в информационное пространство, где их анонимность гарантирует равное обслуживание.

Те же самые культурные факторы, которые усиливают имущественную пропасть между американцами, угрожают создать такую же пропасть между информационно богатыми и бедными. Это давление заставляет некоторые публичные библиотеки вводить плату или лимитировать время, что усиливает опасность ограничения прав бедных и ставит под сомнение роль библиотеки как великого уравнителя.

4. . . ЦЕНИТЬ ЛИЧНОСТЬ

Двери библиотек широко открыты для независимого мышления без предубеждений. Библиотечные коллекции предлагают историческую, глобальную, культурологическую и политическую перспективу, которая необходима для пробуждения духа исследований, который подвергает сомнению общепринятое.

Библиотеки предлагают альтернативы коммерциализму: от телевизионной продукции — к свободному мышлению спорных авторов, видению поэтов и художников за пределами основного потока коммерческой литературы. В соответствии с принципами библиотечного гиганта С.Р.Ранганатана, библиотечари верят: «Книги для всех» и «Каждому читателю — его книгу, каждой книге — ее читателя».

Мальчик по имени Джим Бреснахен, когда ему было 15 лет, был признан виновным в убийстве родителей и был приговорен к пожизненному заключению. Потрясенный тем, что он сделал, Бреснахен пошел в тюремную библиотеку и начал изучать книги по психологии. Он решил стать врачом, как его отец, изучал все возможные курсы и стал практикующим врачом. 23 года спустя, в возрасте 38 лет, он получил помилование.

Крис Паркер, более известный как рэп-певец КРС-Один, жил на улицах Нью-Йорка, образовывая себя в библиотеках. Сегодня он использует музыку для популяризации образования и борьбы с насилием, убеждая молодых

людей идти в библиотеки, учиться, изучать все, что они могут. Он говорит: «Библиотека — мозг цивилизации».

5. .. ПИТАТЬ ТВОРЧЕСТВО

Разумеется, люди могут творить без библиотек. Но может ли общество быть творческим без библиотек? Библиотеки — не только хранилища книг. Они хранят образы, предметы, которые передают информацию без слов.

Расширяя понятие библиотека, мы, возможно, в XXI веке будем рассматривать доисторическую пещерную живопись как вид библиотеки и определять, что библиотеки с их силой побуждения к творчеству являются основой для выживания общества.

В библиотеке мы все дети. Стимулируя любознательность — источник двух сил: творчества и воображения, — даже наиболее специализированные библиотеки служат цели расширения умственных горизонтов.

Конечно, не только художникам требуется воображение. Политики, ученые, учителя, бизнесмены, сами библиотекари нуждаются в открытии новых путей, новых взглядов на стоящие перед ними проблемы.

Инновация — это и причина, и следствие для нашего постоянно развивающегося мира. Библиотеки хранят идеи, которые, возможно, больше не работают, но могут послужить как материал, который, оплодотворив инновационный ум, может дать ответы на еще не заданные вопросы.

Для общества нет выбора, кроме желания приспособливаться и изменяться; библиотека, виртуальная или реальная, такая же необходимость, как еда или жилище.

»Нет пользы учиться, если библиотека не является твоей конечной целью, — говорит писатель Рэй Бредбери. — Интеллект живет в библиотеке. Он создал библиотеку, чтобы поддерживать себя.»

6... ОТКРЫВАТЬ ДЕТСКИЕ УМЫ

Присутствие детей в библиотеке может перенести их из обыденности в мир необычайного. От сказок для дошкольников до профессиональной ориентации старшеклассников — детские библиотекари создают разнообразие, потому что они заботятся об уникальных потребностях личности, которая приходит к ним за помощью.

Почти каждая библиотека организует летние клубы чтения, и исследования показывают, что библиотеки — наиболее важный фактор, помогающий детям сохранить учебные навыки в течение летних месяцев.

Дети приобретают чувство личной ответственности, обладая собственным читательским билетом, который дает им доступ в новый мир книг, видео — и аудио-записей, компьютеров, игр и т.д. Обращаемость юношеских материалов в публичных библиотеках выросла на 54% за последние 10 лет, и дети до 14 лет составляют 37% от пользователей библиотек. Почти три четверти всех детей в возрасте от трех до восьми лет посещают публичную библиотеку каждый год.

Медиатеки в школах — 97976 существующих сегодня — предлагают намного больше, чем просто перерыв в занятиях. Они открывают умы для удивления формами искусства, для чувственного восприятия, и они подстегивают сообразительность, обучая, как собирать и оценивать информацию, на бумаге или «он-лайн»

Последние исследования в Колорадо обнаружили, что лучшие студенты пришли из школ с хорошими медиатеками. Наиболее оснащенные медиатеки имеют компьютерные базы данных, факс-машины, модемы, CD ROMы, чтобы подготовить учеников жить и работать в веке высоких технологий.

Но нужно больше. Школы, в которых меньше библиотек — это, согласно данным Национального Центра по статистике образования, объединенные начальные и средние общественные школы и в крупных городах, и в сельских окраинах. То же самое относится к общественным школам (в которых менее 150 учащихся) в сельской местности или маленьких городах и к объединенным начальным и средним частным школам в центральных городах.

»Быть черным тяжело, — сказал один юноша, описывая, как библиотека изменила его жизнь. — Молодые люди любого цвета пропадают, умирают, теряют себя каждый день. Я чувствую, что должен выучить все, что я могу. Библиотека играет важную роль в формировании моего будущего». Говоря иначе, «библиотека — больше, чем книги, это — жизнь».

7... ВОЗВРАЩАТЬ ВЫСОКИЕ ДИВИДЕНТЫ

Что общего имеют различные фирмы (Gallo Wines, I Can't Believe It's Yogurt, Metromedia)? Библиотеки сделали миллионеров из владельцев этих компаний, предоставив решающую начальную информацию, когда они еще не были титанами бизнеса. Библиотеки помогают людям в достижении персональных целей. Дуглас С.Шмидт из Манделейна, штат Иллинойс, сказал, что он обязан «своим образованием и дальнейшей карьерой библиотеке», где он разыскал информацию о маленьком Техасском фонде, который предоставил ему 6000 долларов и стипендию. Дж.Б.Фукуа, председатель Fuqua Industries, расположенной в Атланте, образовал себя через межбиблиотечный абонемент библиотеки Университета Дюк. Благодарный за его щедрость, Университет назвал свою бизнес-школу его именем.

И это именно публичные библиотеки. Стэн Плантон, директор библиотеки Чилликот в Огайо, был отмечен за помощь в развитии нескольких международных проектов между местным бизнесом и российскими предпринимателями через INTERNET.

Или Джим О'Коннор, библиотекарь Kennametal Corporate, который подумывал, что книга, которую он получил по межбиблиотечному абонементу, содержащая основную информацию, необходимую корпорации, помогла выиграть патентный спор стоимостью в 25 миллионов долларов. Все чаще заботливые библиотекари предпочитают вместо разовых поисков Фондов постоянно собирать информацию о них для будущих Биллов Гейтсов.

Некоторые библиотекари, задавленные недостатком средств, чувствуют, что вынуждены коммерциализировать основное обслуживание. У других нет и такого шанса из-за резкого сокращения штата библиотек.

За четверть века американцы потратили на публичные библиотеки из Федерального бюджета меньше, чем стоит один военный самолет (3,5 миллиарда долларов) и меньше 1% от ежегодного сбора налогов. Только представьте себе, как сократился бы дефицит в библиотеках, если бы финансирование было удвоено. Теперь это — соглашение с Америкой, в котором налогоплательщики должны быть заинтересованной стороной.

8... СТРОИТЬ ОБЩНОСТЬ

Никакие социальные ограничения не годятся для библиотек. Есть общность ученых, общество глухих, афро-американцев, даже всемирное сообщество и десятки других. Каждое имеет свои библиотеки и свои собственные коллекции. Библиотеки оформляют и объединяют, они спасают жизни, записывая и сохраняя записи об этих жизнях.

«Старые люди приносят нам кипы материалов, — говорит библиотекарь специальных коллекций Ребекка Чекурас, — заявляя «Я не хочу, чтобы это пропало». Что они действительно хотят сказать? — «Я не хочу, чтобы моя жизнь была потеряна».

«Библиотеки были неотъемлемой частью моей жизни с первого часа сказки, которую я посетила в библиотеке Канзас-Сити, в Миссури в 1926 году, — говорит Джейн Кери Сортер. — Через несколько понимающий библиотекарь в Филадельфии разрешил мне читать после школы, пока моя мама возвратится с работы, благодать Неба для ребенка с ключом на шею. Наша забота, любовь и поддержка должны сохранять наследие этого общества живым и в целости в каждом городе и деревушке Америки.»

Арт Плотник, писатель и директор по издательству Американской Библиотечной Ассоциации, утверждает: «Библиотеки дают цивилизации коллективное знание, которое мы не могли бы поддерживать индивидуально. Только посмотрите вокруг, посмотрите на хорошие вещи, которые американцы могут делать только потому, что затраты разделяет общество.

Теперь посмотрите вне библиотек, где правят интересы коммерции и собственности. Вообразите, если бы это было все, одна бульварщина отравила бы другую.»

Строительство общности означает, что библиотеки соединяют людей с информацией. Библиотекари стали экспертами, помогающими другим находить базы данных среди мириад, называемых информационным пространством.

В Мэриленде жители получают постоянный доступ к информации о биржевых курсах, туристических предложениях, рынке труда и т.д. у себя дома, в школах, на работе, благодаря Федеральному проекту Сэйлора, который обеспечивает штату доступ в INTERNET.

Еще до того, как заговорили о кибер-пространстве, были библиотеки,

проложившие путь в информационные сферы, и многие американцы делают свои первые шаги туда в библиотеке.

9... ДЕЛАТЬ СЕМЬИ ДРУЖНЕЕ

Родители в разезде: идут 90е годы. Находится мама дома или уезжает на работу, сегодня семьи чувствуют себя не защищенными от опасностей внешнего мира, находящихся вне контроля семьи. Наркотики. Подростковая распушенность. Насилие. Разводы. Недостатки системы защиты детей и стариков. К счастью американских семей, библиотека — их добрый друг — восполняет брешь, образованную службами, которые должны гарантировать преемственность в обществе.

Центры по работе на дому. Семейное обучение грамотности. Поддержка домашнего образования. Часы сказок для детей. Материалы для родителей. Внешкольные занятия. Летние программы чтения. Посещения приютов для бездомных. Дома по уходу. Возможности продленного дня для школьников. Как и семьи, которых они обслуживают, библиотеки повсеместно приспосабливаются к требованиям 90-х годов и ближайшего будущего.

Американской Библиотечной Ассоциации известны истории пользователей библиотек, таких как Маргарет Браун, 35-летняя мать 5 детей, которая смогла помочь развитию своих детей, обучая их чтению в библиотечном центре грамотности Эноха Пратта.

И Констанс Ходдер из Принстона (Миннесота), которая благодарит библиотеку за предоставление ей материалов о синдроме Дауна, которые, по ее мнению, помогли ее сыну Марку «говорить и читать сегодня»

Семьи толпятся в библиотеках, более 98 миллионов взрослых и более 24 миллионов детей от 3 до 8 лет использовали публичные библиотеки хотя бы один раз в прошлом году. Здесь они встречают библиотекарей, умеющих дружелюбно обслуживать семью, предлагая широкий выбор материалов, которые подходят людям разного возраста: от христианской литературы до народных сказок.

За такое внимание библиотекари получают глубокую благодарность от таких людей, как Барбара Ритсема из Эверета, штат Вашингтон, которая говорит, что ее дети, которые страдали от изоляции и предрассудков в их маленькой общине из-за их смешанного происхождения, были тепло приняты и получили знания по этническим вопросам в публичной библиотеке в 25 милях от дома.

10...РАЗДРАЖАТЬ ВСЕХ

Детский библиотекарь Дороти Бродерик утверждает, что каждая библиотека в стране должна иметь на дверях надпись: «В библиотеке есть что-нибудь обидное для каждого. Если вы не нашли ничего обидного для себя — жалуйтесь». Для библиотекарей, разделяющих принцип Бродерик, сегодня наступили более легкие дни: среди растущей религиозной нетерпимости и

политической шепетильности обижать становится все легче.

Отражая эту тенденцию, Офис интеллектуальной свободы констатирует, что цензурные требования в библиотеках возросли в последние годы.

Библиотечные обиды являются, тем не менее, важной ценностью. Поэт-лауреат Рита Доув выразила эту мысль, обращаясь к нескольким тысячам библиотекарей на Ежегодной конференции Библиотечной Ассоциации: «Вы должны быть привратниками возможностей, а не цепными собаками статус кво».

Эта характеристика библиотеки известна и вне профессиональной сферы: в Северной Каролине газета «Durham Morning Herald» поддержала выставку на сексуальную тему в местной библиотеке, утверждая, что библиотека по оформлению должна раздражать в той же мере, как и обучать», что «библиотека не претендует быть всем для всех, но предоставлять ресурсы каждому человеку».

Это желание, этот долг — раздражать — подкрепляет терпимость и желание увидеть все стороны явления. Это особенно ценно в соединении с равноправием и доступностью, присущим библиотекам.

11... ДАРИТЬ ПОКОЙ

»Что мне нравится — это покой и тишина» — говорит Джон О'Сулливан, врач-терапевт и родитель, живущий в Лонгвью (штат Техас). О'Сулливан водит в библиотеку своих детей и берет книги для себя. Но не это для него главное, библиотека для него — храм, святилище, место успокоения, святое пространство.

Мы не часто используем религиозные термины для описания библиотек, но каждый, кто чувствует что-нибудь, услышав о сожжении древней библиотеки в Александрии или национальной библиотеки в Сараево, возможно, почувствовал что-либо близкое к религиозному чувству.

Библиотеки внушают благоговение, как церкви, мечети, синагоги и другие святые места, они могут создавать для вошедших физическое ощущение мира, уважения, смирения и гордости, что им широко открыт, человек испытывает духовное наслаждение. Но почему?

Возможно, потому что в библиотеке даже самые жесткие аргументы заканчиваются тихим закрытием книги.

Возможно, потому что в библиотеке, слегка передвинув руку на полке, мы можем встретить точку зрения совершенно противоположную тому, что мы только что прочли, или услышать разумный голос, который отдает должное всем точкам зрения, определив достоинства каждой из них.

Возможно, потому, что библиотеки — место, где звучат голоса мудрых мужчин и женщин, давно умерших, представителей ушедших культур, кроме голосов современных мужчин и женщин, и так создается наиболее потрясающее и неожиданное сопоставление, могучая метафора объединенного мира, который мы так часто видим разделенным. Или возможно потому, что в библиотеке мы ни перед кем не в ответе, одни со своими собственными

мыслями, фантазиями, надеждами, мы свободны питать то, что наиболее драгоценно для нас, в совместном молчании с теми, кого мы не знаем.

Каждая религия в мире сделала открытие, что ее одной недостаточно для одухотворения жизни. Есть потребность освящать предметы и места, которую только наиболее проникательные психологи могут объяснить.

Библиотеки образуют священное пространство, содержащее предметы благоговения.

Компьютерные сети и базы данных предоставляют доступ к информации, но они не могут представить игру света, теней, запахов, стилей, строений, которые влекут нас к необыкновенной мистрии человеческого опыта и знания.

12...ОХРАНЯТЬ ПРОШЛОЕ

Колдовство, спиритизм и физический феномен. В поисках их значения читатели могут найти информацию обо всем в библиотеке. Тем не менее, мы часто считаем, что самый удивительный из всех феноменов, доступных людям, случается, когда два ума контактируют посредством искусства и литературы.

Вартан Григорян, в то время президент публичной библиотеки Нью-Йорка, сказал почти 10 лет назад в газете «New Yorker»: «Библиотеки хранят записи человечества... уникальные и абсурдные, мудрые и образцы ограниченности».

Джордж Сантана выразил это же иначе 90 лет тому назад в книге «The Life of Reason»: «Те, кто не помнят прошлого, обречены повторять его».

Библиотеки хранят записи, а нация, культура, общество, которое не понимает своего собственного прошлого, погрязает в собственных заблуждениях».

«Все глобальные события произошли в определенных местах, — подчеркивает Сэм Болдрик, управляющий коллекцией Флориды в публичной библиотеке Майами Дэйд. — Местная история — рассказ о прошлом в его наиболее персонифицированной форме. Библиотеки, как хранители записей цивилизации, имеют частью своей миссии — сохранение местной истории. Настоящие и будущие поколения могут учиться на ошибках прошлого, чтобы избежать их повторения и использовать достижения прошлого, чтобы улучшить качество жизни для всех.»

Библиотеки позволяют нам общаться через время и расстояние с живыми и ушедшими. Это чудо, возможное благодаря кропотливому отбору, приобретению, индексации и хранению, которые характеризуют библиотечную работу — работу, которая будет продолжаться в новой электронной среде, требования которой еще не известны.

Перевод З.А.Рудой

ГП "САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ"

ДОМ КНИГИ

ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
БИБЛИОТЕКИ ГОРОДА

**Предлагаем новинки
всех издательств Москвы и Санкт-Петербурга,
выпускающих техническую литературу.
Цены ниже розничных.**

Телефон ассортимента кабинета 219 63 80

Адрес: Невский пр., 28

О РАЗМЕРЕ И ПОРЯДКЕ УПЛАТЫ ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ В ПЕТЕРБУРГСКОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Согласно Уставу ПБО членство в обществе может быть как коллективным так и индивидуальным. На членство в ПБО не накладывается никаких территориальных, профессиональных, национальных, возрастных ограничений.

Индивидуальным членом ПБО может стать любой гражданин, признающий Устав ПБО, добровольно изъявивший желание лично участвовать в решении задач общества, или поддерживать его материально.

Коллективным членом ПБО может стать трудовой коллектив любого предприятия и учреждения, общественная организация, готовые оказать Обществу организационную, материальную или иную поддержку в реализации его задач. Прием в члены ПБО осуществляется Правлением на основании личного заявления, коллективных — на основании письменного обращения коллектива организации или учреждения.

Размер вступительного взноса в ПБО определяется вступающей организацией или учреждением в любой сумме, но не может быть ниже 1 МРОТ на момент внесения взноса. Вступительный членский взнос уплачивается не позднее 1 года со дня принятия нового члена в ПБО.

Размер ежегодного членского взноса коллективных членов не может быть ниже 1 МРОТ и не может превышать 20 МРОТ на момент внесения взноса.

Членские взносы перечисляются на расчетный счет ПБО с указанием вида взноса: «вступительный взнос», «членский взнос за 199... год»:

Р/с 141700850, кор. Счет 700161990
МФО 044030790
в Дзержинском филиале АО «Банк «Санкт-Петербург»»
ИНН 7803053813

*Для оформления коллективного членства необходимо
заполнить предлагаемую регистрационную форму:*

Наименование организации (учреждения) _____

Адрес _____

Контактный телефон _____

Факс _____

*Ответственный
за коллективное членство* _____

*Сведения о переводе членского взноса
(№ и дата платежного поручения)* _____

Индивидуальные члены уплачивают ежегодный членский взнос
в размере не ниже 1% от среднего месячного заработка.
Все члены Петербургского библиотечного общества получают
свидетельства установленного образца.

Всю интересующую Вас информацию о деятельности ПБО

Вы можете узнать по адресу:

191025 Санкт-Петербург, наб.реки. Фонтанки, 46

тел. (812) 311 27 53

факс (812) 311 22 47

ПЕТЕРБУРГСКОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
ПРЕДЛАГАЕТ:

*ЕСЛИ ВАМ НЕОБХОДИМ
ПЕРВЫЙ НОМЕР
НАШЕГО ЖУРНАЛА
ВЫ МОЖЕТЕ ЕГО ПРИОБРЕСТИ
В ШТАБ-КВАРТИРЕ
ПЕТЕРБУРГСКОГО
БИБЛИОТЕЧНОГО ОБЩЕСТВА*

Г. А. ПОПОВА

«ОСОБНЯК ГРАФИНИ КАРЛОВОЙ».

СПБ.: ООО «АЛМАЗ», 1996.— 160 С.

На пересечении Невского проспекта и Фонтанки, третий дом от дворца Белосельских-Белозерских, рядом с бывшим подворьем Троице-Сергиевой лавры привлекает внимание необычным видом старинный особняк. В путеводителях по Санкт-Петербургу и сводах архитектурных памятников он обозначен по фамилии последней владелицы — графини Карловой, его адрес набережная Фонтанки, 46.

К. И. ВОРОБЬЕВА
**«РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
 БИБЛИОПСИХОЛОГИИ
 В 20-Е — 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА».**

СПб., 1996. — 219 с.

Временными рамками в авторской монографии охвачены 20-30-е годы нашего столетия. Это объясняется тем, что зарождение библиологической психологии произошло в начале 20-х годов. Обращение к истории всегда актуально, особенно в так называемые переходные периоды, когда идет слом устаревших, исчерпавших себя социально-экономических и политических структур и замена их на новые.

Как правило в такое время совершается немало ошибочных решений.

Чтобы их избежать и выработать наиболее оптимальные и верные пути, абсолютно необходимо обращение к прошлому опыту.

Отпечатано в типографии «Турусел».
Лиц. ПЛД № 69-150 от 06.12.95
191186, СПб, ул.Миллионная д.1. СПбГАК . тел.:311 54 74
Заказ № 74-97 от 14.04.97
Тираж 500экз.

БАН

I 35128

1997

1)

ПОВЕСА
КНИЖНАЯ
СУТЬ РЪКИ
НАПОЖЮЩАЯ
ВСЕЛЕННУЮ